

СУПЕРГВОЕ: УБОЙНЫЙ ФАКТОР

Михаил ИШКОВ

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Михаил ИШКОВ

Супердвое: убойный фактор

«ВЕЧЕ»

2015

Ишков М. Н.

Супердвое: убойный фактор / М. Н. Ишков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

Кто сказал, что все тайны НКВД уже раскрыты? В архивах этой организации до сих пор укрыто еще много неизвестного. Но главные тайны в архивах не прячут. Они живут в памяти людей – участников и создателей этих тайн и загадок. Одной из них является супероперация «Близнец». Кто знает, каких невероятных усилий стоило НКВД выполнение приказа Сталина об отмене покушения на Гитлера? Кто слышал о попытке советских спецслужб похитить Нильса Бора, а также о том, как в пылу борьбы с космополитизмом госбезопасность в 1949 году разгромила секту каких-то «зналов» или «симфов»?.. Об этих и еще многих загадочных событиях Второй мировой войны читайте в новом романе известного российского писателя Михаила Ишкова!

© Ишков М. Н., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Введение	6
Часть I. Операция «Близнец»	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Михаил Ишков

Супердвое: убойный фактор

© Ишков М. Н., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Введение

*И тогда я наслаждаюсь тихим разговором с собой и общением с
духом истории...*

Пауль Йорк фон Вартенбург¹

Он называл его Петровичем, изредка – Сталин и никак иначе. Я попытался вернуть Иосифа Виссарионовича, но он даже не заметил – Петрович да Петрович.

Мы познакомились с Николаем Михайловичем в редакции, куда он принес свои воспоминания. Предложение издать их он объяснил тем, что в последнее время расплодилось множество самых нелепых небылиц о войне, так что и ему захотелось добавить в эту копилку несколько легенд, свидетелем и участником которых он был.

– Для потомства, – многозначительно добавил он.

Познакомившись с рукописью, я понял, что при его неумной фантазии и способности к сногшибательным выдумкам воспоминания Трущева можно отнести к самым лихим рассказам о том, какими неизведанными, невероятно извилистыми путями наши отцы и деды шли к победе. Я дал положительное заключение, и вот теперь эта книга, которую мы с Николаем Михайловичем договорились называть романом, лежит перед вами.

Еще одно – по настоянию Трущева мне пришлось вынести на титульный лист собственную фамилию, на этом условии он настаивал особо. В случае отказа грозил забрать рукопись. Это требование выглядело диковато, и на мой удивленный вопрос, зачем же он так, Михалыч ответил – «желаю спокойно умереть в своей постели».

Мы с главным редактором переглянулись. Уже потом, один на один, главный поинтересовался:

– Надеюсь, ты не страдаешь суеверием? И тебе плевать, в чьей постели ты умрешь?

Я согласился не сразу – даже для самого продвинутого экстремала такой прикол казался чрезмерным. Дразнить судьбу подобным образом – это чересчур, тем более что от этого старенького, гладко выбритого, с аккуратным пробором на голове энкаведэшника веяло чем-то несомненно подлинным, дремучим, что отличало моего отца и его сверстников, переживших страшный тридцать седьмой, войну, смерть Сталина, безумные выходки Кукурузника. Эти товарищи слов на ветер не бросали, и если сражались, то до победы, а если сажали, то на десять лет без права переписки.

С другой стороны, несусветной глупостью казалось мне упускать шанс поделиться с читателями тем, что довелось услышать от Трущева. Чего стоит байка о том, какие невероятные усилия пришлось приложить спецслужбам, чтобы выполнить приказ Сталина об отмене покушения на Гитлера. Или история о попытке похищения Нильса Бора, которого в 1943 году люди из МИ-5 буквально из-под носа НКВД вывезли в Англию, а также о том, как в пылу борьбы с космополитизмом в 1949 году госбезопасность разгромила секту каких-то «зналов» или «симфов». (Кто-нибудь слышал о таких оппортунистах и присмиренцах? – *Примеч. авт.*). Не обошлось и без популярной мистики. Речь идет о пресловутом Вольфе Мессинге, а также о тщательно скрываемой до сегодняшнего дня легендарной тайне Второй мировой войны, определившей ход боевых действий на Восточном фронте. В разговоре Трущев намекнул, что ее мрачная тень, истоком которой явился перелет небезызвестного Рудольфа Гесса в Англию, до сих пор отравляет возможность согласия между нашими народами.

---

¹ Вартенбург Пауль Йорк фон (? – 1897) – аристократ и землевладелец, обладавший незаурядным философским даром. Был другом В. Дильтея, известного немецкого философа XIX в. До самой смерти вел с ним переписку на философские темы, которая была опубликована в 1923 году.

Другой довод, извлекаемый изредка и только наедине с собой, сводился к тому, что мне всегда подспудно хотелось проверить себя на принадлежность к *их* истории, *согласовать* себя, любимого, с поколением, сумевшим штурмом взять небо, а для этого лучшего путеводителя, чем этот, свалившийся мне на голову ветеран НКВД, было трудно найти. Этот чекист сталинского разлива являлся эксклюзивной ходячей энциклопедией «тайн века», к тому же составленной специалистами «с той стороны».

Мы теперь немало знаем о репрессиях. В последнее время опубликовано множество воспоминаний, художественных произведений, включая драгоценные для истории рассказы Шаламова, изданы публицистические и научные работы, вплоть до пространных монографий, посвященных временам сталинского террора. В них много верного, берущего за душу, требующего безжалостного расчета с прошлым, однако что-то подсказывало мне: «эти», с Лубянки, тоже недаром ели свой хлеб, и не для блага ли Родины дать слово тем, кто не только репрессировал «врагов народа», но и боролся «с агентами империалистических держав». Такого рода монолог тоже следует услышать и осмыслить всем, кто готов взяться за лямку и вытянуть Россию из прошлого в будущее. Заткнув рот «той» стороне, мы рискуем сбиться с пути. История грядущего, на мой взгляд, складывается сегодня, здесь и сейчас, и зависит не столько от того, сумеем ли мы добиться согласия как формы компромисса, взаимоприемлемого сочетания интересов отдельных социальных, возрастных, национальных групп, но, прежде всего, *веры*, что согласие вообще существует и его можно отыскать. Еще древние говорили, что при наличии согласия и малые дела становятся великими, а без онога самые громкие планы обращаются в прах.

Поверьте, это увлекательно – согласовывать, казалось бы, несогласуемое: живую жизнь, напластование вымыслов и единичную память участников тех событий. Вообще, согласовывать – это увлекательно.

Трущев письменно отказался от всех прав на рукопись. Я настоял, чтобы гонорар был поделен пополам. Этот компромисс вовсе не выглядит беспринципным, если учесть, насколько мал этот гонорар и сколько сил я вложил в роман.

Кто из нас выиграл, судить тебе, читатель.

Часть I. Операция «Близнец»

*Да, прямо скажем, этот край
Нельзя назвать дорогой в рай.
Здесь жестко спать, здесь трудно жить.
Здесь можно голову сложить.
Здесь, приступив к любым делам,
Мы мир делили пополам.
Врагов встречаешь – уничтожись,
Друзей встречаешь – поделись.*

К. Симонов

*Эй, комроты, даешь пулеметы!
Даешь батарей,
Чтоб было веселей!..*

Строевая песня 20-х годов

Глава 1

На Лубянку Николай Михайлович пришел в декабре тридцать восьмого. В центральный аппарат НКВД его направили после окончания школы особого назначения в Балашихе, куда он попал, получив диплом Московского института инженеров связи.

На последнем курсе по институту ходили представители наркомата обороны. Беседовали с выпускниками – искали кандидатов для поступления в военные академии. Трущев, малого роста, круглолицый и чуть медлительный, никак не мог вообразить себя нарядным военным с ремнем через грудь, а то и с кобурой на поясе, поэтому сидел в сторонке и помалкивал, пока однажды человек в штатском, улыбочивый и вежливый, не обратился к нему – почему он отсиживается на подоконнике, чем его не устраивает военная служба? Трущев с некоторой обидой поделился – какой из него военный! Он и ростом не вышел, и с отвагой не очень, пугается в темноте. Затем Николай позволил себе прямой вопрос: «Вы тоже людей набираете?»

Собеседник ответил также прямо:

– Это хорошо, что вы спросили.

– А если бы не спросил? – удивился Трущев.

– Тогда я бы не предложил интересную работу, – ответил мужчина.

– Какую?

– Службу в компетентных органах. Вы комсомолец?

– Да.

– Значит, вам не надо объяснять, как важно защитить Родину от всякого рода недобитков и вражеских шпионов.

Эти слова прозвучали как зов боевой трубы, как объявление о мобилизации, как задание партии, и молоденький, миниатюрный, круглолицый Трущев, соскочив с подоконника, отпартовал:

– Я готов!

Знал бы он тогда, к чему собирался быть готовым!

После разговора с вербовщиком, по существу закончившегося ничем, он защитил диплом и отправился на юг.

Райский остров Сухум! Магнолии в цвету, молодое вино «Маджарка». Там он познакомился с Таней. Вернулись в Москву вместе.

Дома встретили встревоженные родители. Младшая сестра смотрела на него широко раскрытыми – до жути – глазами.

Мама схватила Николая за руки.

– Сынок, тебя вызывают в горком. Что ты натворил, сынок?

Трущев перепугался так, как никогда больше в жизни не пугался, хотя в дальнейшем ему довелось познать все ступени этой повальной и неизбежной в то время болезни – от дрожи в коленках, которую вначале испытывал при разговоре с Берией, до леденящего, притупляющего разум ужаса, когда пробирался в оккупированную Калугу. Но все эти страсти нельзя сравнить с перехватом дыхания и ступором в ногах, когда мама сообщила ему о явке в горком комсомола. Казалось бы, чего ему опасаться, но до Старой площади он добирался, с трудом заставляя себя переставлять ноги.

В горкоме, на вахте, его встретил приветливый молодой человек, назвавшийся инструктором. Они вместе поднялись в кабинет. Там инструктор сверил ответы Трущева с данными в анкете, затем нажал кнопку, и в кабинет вошел уже знакомый по институту связи доброжелатель. Прямо из горкома, не позволив заглянуть домой, он повез его в Балашиху, где передал с рук на руки какому-то грузину, оказавшемуся начальником ШОНа².

Когда в следующую субботу Николай вернулся домой в добротном костюме, шляпе, белой сорочке, с галстуком на шее, родные онемели. Мама почему-то первым делом пощупала шляпу. В семье телеграфиста Трущева, работавшего на железной дороге, вовек не носили шляп, только зимние шапки, платки, форменные фуражки. Например, в институт Трущев все пять лет ходил в лыжном костюме и лыжных ботинках, зимой надевал отцовский полушубок.

Мать, пощупав шляпу, заплакала, никто даже не попытался ее утешить. Отец, сестра сели рядом и ждали, пока она что-нибудь скажет. Мама поплакала и деловито поинтересовалась:

– Дело-то стоящее?

Николай кивнул.

– И не скажешь? – спросила мама.

– Буду родину защищать! – признался Коля.

Мать всхлипнула, схватила его голову, прижала к груди.

Освободившись, Николай подумал и решил – даешь батарей, чтоб было веселей!..

– Мама, я женюсь.

На этот раз обошлось без слез. С тайной опаской Николай ждал, как мать отнесется к тому, что у Тани есть ребенок.

Ничего, обошлось. Конечно, были и поджатые губы, и строгие взгляды, но после знакомства, когда Тане несколько раз пришлось оставить Светочку с неродной свекровью, мама смирилась.

Только разок пристыдила сына.

– Раньше надо было смотреть, а теперь что – живите!

В школе было двенадцать курсантов. Учили радиodelу, основам оперативной работы, умению уходить от слежки, работе со взрывчатыми веществами, занимались физической подготовкой – мало ли чему учат в шпионской школе! Много времени уделяли иностранным языкам. Трое усиленно занимались английским, пятеро французским, а Николай, как с дет-

---

² ШОН – Школа особого назначения Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР.

ства более-менее знавший немецкий, – он вырос в доме, где проживало несколько немецких семей, – попал в третью группу. Гоняли безжалостно – готовили к нелегальной работе.

Трущев уныло усмехнулся. Готовить-то готовили, сколько сил потратили, да только оказалось, что не годится он в нелегалы. Вроде бы и по-немецки тараторил неплохо, и по-французски натаскали, и мозгов хватало, только комиссия отбраковала его и еще двух человек. Какой изъян нашли, ему так и не сообщили. Когда после окончания Школы его направили в центральный аппарат, в контрразведку, Трущев решил, что скорее всего его подвело тугодумие, отсюда следовал вывод, что отделение, куда попал молодой сотрудник, является чем-то вроде отстойника, после которого его выгонят на улицу, а если начнет языком болтать, могут и к стенке поставить. Но с годами эти страхи прошли – то есть насытились знанием, и среди всех возможных наказаний, которые тогда висели над работниками центрального аппарата, Трущева и его коллег более всего пугала перспектива быть направленным в какой-нибудь исправительно-трудовой лагерь, куда на перевоспитание отправляли врагов народа.

Там творились жуткие вещи. По слухам, начальство обращалось с оперативным составом как с рабами.

* * *

В сентябре 39-го начальник отделения вызвал Трущева и приказал отложить все дела. Затем передал папку и предложил разобраться в этой запутанной истории, обозначенной как «дело № 309/3».

Первой в папке лежала справка, полученная из Свердловского УНКВД.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

По личному делу и материалам спецпроверки на Шееля Альфреда-Еско Максимилиановича, главного инженера Краснозатонского деревообрабатывающего комбината, немца, беспартийного, гражданина СССР с 1933 года.

По материалам спецпроверки, проведенной УНКВД по Свердловской области, установлено:

Шеель Альфред-Еско Максимилианович фон, родился в г. Дюссельдорфе, Германия, в 1885 году. Из дворянской семьи, барон, офицер рейхсвера в отставке, участник Первой мировой войны. Командовал взводом, войну закончил ротным командиром. Имеет специальное техническое образование. В 1922–1929 годах владелец деревообрабатывающей фабрики в Дюссельдорфе. В эти годы окончательно порвал со своим классом и активно поддерживал местную организацию Компартии Германии, что подтверждается многочисленными показаниями свидетелей и материалами оперативной проверки, собранными в его личном деле (см. приложение).

Другими данными, касающимися пребывания Шееля А.-Е. М. за границей, отдел кадров УНКВД по Свердловской области не располагает.

По прибытии в Краснозатонск Шеель А.-Е. М. проявил себя грамотным специалистом и умелым организатором. Внес большой вклад в строительство местного деревообрабатывающего комбината. Имеет на

личном счету несколько полезных изобретений, касающихся производства высококачественной дельта-древесины³.

В 1933 году Шеель А.-Е. М., а также его сын Шеель Алекс-Еско Альфред, по рекомендации врага народа Запорожца получили советское гражданство (см. приложение к справке № 1/21).

Сын Шееля А.-Е. М. закончил в г. Краснозатонске среднюю школу и в 1939 году поступил на первый курс Уральского политехнического института. Член ВЛКСМ.

Компрометирующими материалами на ШЕЕЛЯ Альфреда-Еско Максимилиановича УНКВД по Свердловской области не располагает.

Число... Подпись...

Тут же лежало полученное из цензуры и адресованное Шеелю письмо из Германии. В письме некий Людвиг фон Майендорф, по-видимому, друг детства, сообщал Альфреду Максимилиановичу, что отправляется в служебную командировку в Японию. Перевод, подколотый к основному документу, Трущеву не понадобился, в ШОНе ему до блеска надраили немецкий.

«На край света, – писал Майендорф, – мне придется добираться морем. Если ты не забыл, Альфи, я с детства мечтал отправиться в кругосветное путешествие. Надеюсь, в пути мне повезет, и я совершу какое-нибудь великое географическое открытие.

В Европу я намерен вернуться по Транссибирской магистрали. Очень хочется заглянуть в самое сердце Азии. В Свердловске мне придется сделать остановку, сам знаешь, путешествия путешествиями, а для немца долг превыше всего. На днях мы неожиданно подружился с большевиками, и они разрешили открыть в Свердловске наше консульство. Мне бы хотелось познакомиться с тобой, Альфред, так внезапно покинувшим Германию, а также с твоим непоседливым Алексом. Он, наверное, здорово вырос, узнаю ли я его? Как он прижился в коммунистическом раю? Ты у нас кремень, а вот твоему сыну, наверное, до смерти надоела тощая марксистская диета, на которую его посадили в комсомоле.

Из Владивостока я дам телеграмму и буду ждать твоего согласия, так как, зная тебя, Альфред, я не уверен, что ты, окончательно покраснев, пожелаешь встретиться с «классовым врагом» и «германским фашистом» Майендорфом».

Познакомившись с материалами и собрав необходимые справки, Николай Михайлович доложил начальнику:

– Людвиг фон Майендорф действительно является высокопоставленным сотрудником германского МИДа. Его остановка в Свердловске надежно замотивирована необходимостью встречи с германским консулом, который прибыл на Урал после подписания договора с Германией. На этот счет есть справка из нашего наркоминдела. Понятен отказ Шееля встречаться с Майендорфом, ничего хорошего от такого рода контактов Шеелю ждать не приходится. По моему мнению, просьба о встрече со стороны Майендорфа является попыткой скомпрометировать Шееля либо прикрыть какое-то другое, более ответственное задание. Считаю изоляцию Шееля преждевременной.

Начальник закурил, некоторое время, размышляя, наслаждался дымком, затем, решившись, вытащил из стола какую-то бумагу и протянул Трущеву.

– Познакомься.

Это было адресованное наркому письмо замначальника Краснозатонского райотдела НКВД Ефимова, в котором тот обвинял руководство райотдела в преступной близорукости, «...а может, еще хуже – в двурушничестве и пособничестве врагу», что проявилось в сокрытии

---

³ Дельта-древесина (древеснослоистый пластик) – один из видов древесных пластиков; изготавливается прессованием или склеиванием шпона (главным образом березового), пропитанного феноло- или крезоло-формальдегидной смолой. Пригодна для изготовления самолетных крыльев, крепежа, частей корпусов. По прочности не уступает металлу, но значительно дешевле.

компрометирующих данных на небезызвестного Альфреда Шееля, называющего себя инженером, а на самом деле являющегося троцкистом и германским шпионом, что подтверждается недавно полученным им письмом, в котором содержались инструкции вредительского характера, а также отказом Шееля встречаться с германским резидентом. На мое предложение немедленно арестовать гражданина Шееля ввиду его двурушнической позиции и несогласия заниматься якобы доносительством начальник райотдела, гражданин Кудасов, ответил, чтобы я перестал «совать нос туда, куда не следует!» Это белогвардейско-издевательское отношение к заслуженному чекисту, из которого партия человека сделала, а также имеющему благодарности от наркома, товарища Н. И. Ежова, вынудило меня незамедлительно привлечь внимание высшего руководства наркомата к нетерпимой ситуации, сложившейся в Свердловском УНКВД, о чем и доношу».

– Твое мнение?

Трущев помялся, потом попытался обосновать свою точку зрения.

– Конкретики нет. Обвинять человека в нежелании встречаться с классово чуждым элементом – это, по-моему, чересчур. Ефимов должен представить реальный компромат, иначе дело выведенного яйца не стоит. Считаю изоляцию Шееля преждевременной.

Начальник отделения неодобрительно покачал головой.

– Нет, Трущев, так не годится. Мы не можем спуская рукава относиться к сигналам с мест, тем более если они исходят от опытных работников. Это чуждые нам методы! Мы должны доверять чекистскому чутью.

Выявив свою позицию по этому вопросу, начальник сделал паузу, затем веско добавил.

– Впрочем, руководство поручило нам разобраться с этим письмом, и мы разберемся. Подготовь обстоятельную записку со своими соображениями. Но смотри... – после некоторой паузы предупредил начальник, – не перегибай палку. Начальству не очень-то по вкусу такие словечки, как «по-моему», «чересчур», «выведенное яйцо», но оно особенно не любит, когда советские граждане отказываются помочь органам, какими бы соображениями этот отказ ни был мотивирован. В нашем деле главное – умение сразу распознать врага, сорвать с него личину, а хочет кто-то встречаться с классовым врагом или нет, это дело десятое. Не ему решать.

Чтобы стало яснее, начальник отделения среагировал на отчет молодого сотрудника в полном соответствии с правилами, установившимися при наркове Ежове. При этом сталинском соколе всякие сомнения в юридической весомости чекистского чутья могли стоять головы.

Однако за окнами уже был не тридцать седьмой год.

В декабре тридцать восьмого на Лубянку вместо коротышки Ежова вселился малоизвестный знаток истории партийных организаций на Кавказе, большевик с подпольным стажем и личный выдвиженец хозяина Берия Лаврентий Павлович.

Наступили новые старые времена.

Этот абзац в рукописи Николай Михайлович прокомментировал следующим образом:

– Сразу после отстранения Ежова Берия приступил к неслыханной по своим масштабам чистке в наркомвнуделе. Выражаясь современным языком, каток репрессий докатился и до компетентных органов. В контрразведке только за год сменилось семь начальников. Теперь всех интересовал исключительно результат, а как ты его получишь, твое дело. Откровенно говоря, я как раз и ориентировался на результат. Что толку принуждать Шееля встречаться с Майендорфом, если мы не знаем, зачем эта встреча вообще нужна. Хотя, если откровенно, меня не оставляло ощущение, что вся эта переписка возникла не на пустом месте.

* * *

В конце декабря – как потом выяснилось, в самый канун прибытия Майендорфа во Владивосток, – Трущева вызвали к комиссару госбезопасности Меркулову Всеволоду Николаевичу⁴, исполнявшему тогда обязанности начальника Главного управления государственной безопасности. На тот момент отделение, в котором трудился Трущев, вновь осталось без руководителя. Все бумаги отделения комиссар госбезопасности просматривал лично, он же визи-ровал переписку.

В этом, как поделился со мной Николай Михайлович, не чуравшийся современного языка, «...тоже был несомненный сюрчик. Как, впрочем, и в отношении моих коллег к отсутствию на рабочем месте нашего начальника, пусть даже недавнего, пусть мимолетно очередного. Мы все как бы не заметили его отсутствия. Никто не задавал лишних вопросов. Никому в голову не приходило поинтересоваться, что с ним случилось. Может, заболел?.. Тогдашний начальник контрразведки Деканозов вообще отстранился от дел. По наркомату ходили слухи, что на его место со дня на день будет назначен начальник СПО Федотов»⁵.

Как только Трущев вошел в кабинет комиссара, Меркулов вежливо попросил молодого сотрудника ввести его в курс дела. Всеволод Николаевич с каменным лицом выслушал Трущева, ни разу не перебил его, не поинтересовался подробностями, затем предупредил – сейчас мы отправимся к наркому. Держитесь свободно, отвечайте по существу.

За те несколько шагов, отделявших кабинет наркома от кабинета Меркулова, Трущеву не без внутренних усилий удалось заставить себя ступать бодро, в ногу со Всеволодом Николаевичем. Заодно он попытался привести в порядок мысли. Это оказалось непросто – ничего толкового по существу дела в голову не приходило.

К его удивлению, политическая сторона дела, а также двурушничество и потеря доверия к чекистскому чутью на местах, о котором так беспокоился прежний начальник отделения, менее всего интересовали Берия, как, впрочем, и находившихся здесь начальника СПО Федотова и неизвестного армейского полковника.

Когда Меркулов и Трущев вошли в кабинет, Берия представил военного.

– Полковник Закруткин Константин Петрович из Разведупра⁶. Прошу любить и жаловать, – и тут же без всякой паузы обратился к Николаю Михайловичу. – Трущев?

– Так точно, товарищ нарком, – доложил тот.

Берия заглянул в какие-то бумаги и спросил.

– Ви доверяете Шеелю?

– Нет, товарищ нарком.

– Почему же возражаете против его изоляции?

– Во-первых, факты, изложенные Ефимовым, являются его личным, ничем не подтвержденным мнением...

– Не берите на себя слишком много, Трущев, – оборвал его Берия. – Ефимов – опытный работник, и ми можем доверят его мнению. Короче, что ви предлагаете?

---

⁴ Меркулов В. Н. (1903–1953) – один из высших руководителей НКВД. Родился 25 октября (7 ноября) 1895 года в г. Закаталы (Дагестан) в семье военнослужащего. С 1938 года – заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР. В 1938–1941 годах – заместитель наркома НКВД. В период с 3 февраля 1941 года по 20 июля 1941 года и с 20 июля 1943 года по 1946 год – нарком госбезопасности СССР. Расстрелян по приговору военного трибунала как соучастник злодеяний Берии.

⁵ СПО – Специальный политический отдел ГУГБ, в конце 30-х годов являвшийся центральным и координирующим органом «тайной политической полиции» СССР, надзиравшей за политической оппозицией и иными, не соответствующими официальной идеологии направлениями, например монархическими, религиозными и т. д.

⁶ Разведупр – Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (с мая 1939 года по июнь 1940 года – V Управление Штаба РККА, затем Разведывательное управление Народного комиссариата обороны, один из предшественников ГРУ (Главного разведывательного управления).

– Попросить Шееля встретиться с Майендорфом.

– Что?! Попросит?!

– Так точно. Даже если Шеель позволит себе ставить условия. За всеми этими маневрами скрывается какой-то смысл.

– Докажите.

– По сведениям из архива, Майендорф назначен в МИД совсем недавно. Где он служил ранее, в архиве сведений нет. Трудно поверить, чтобы новоявленного, непонятно откуда взявшегося сотрудника могли послать с важной дипломатической миссией в Японию. Следовательно, у этой поездки есть второе дно.

Берия промолчал, тем самым как бы позволив молодому сотруднику высказаться до конца.

– Во-вторых, поездка по Транссибирской магистрали, ставшая возможной после заключения Пакта о ненападении, может быть использована для оживления агентуры. Точнее, для подтверждения того факта, что законсервированный сотрудник жив и является тем, за кого себя выдает.

– Глупо для этого заранее в письменной форме предупреждать о встрече! – огрызнулся Берия.

– Так точно. Вот почему я предлагаю позволить Майендорфу отыграть свою партию до конца. Конечно, под нашим неусыпным контролем.

– И что это даст? – с тем же откровенным недоброжелательством поинтересовался нарком.

– Сотрудники такого ранга, как Майендорф, просто так по чужим странам не разъезжают. Возможно, встреча с Шеелем является дымовой завесой для чего-то более существенного. Им ничего не стоит пожертвовать Шеелем, ведь он, судя по документам, окончательно порвал со своим классом.

– Какие документы! – взорвался Берия. – Разве можно по документам отличить честного человека от двурушника и троцкиста! Этот негодяй Шеель вполне может оказаться матерым шпионом и диверсантом! Впрочем, отказываться от этой версии нельзя. Что еще?

В этот момент Закруткин подал голос.

– Лаврентий Павлович, ваш сотрудник прав – Майендорф является крупной фигурой. Прав он и в том, что на Шееля бесполезно давить в открытую. Если он не тот, за кого себя выдает, вскрыть ему нутро в отведенные сроки не удастся. Я хочу дать справку – Майендорф является высокопоставленным сотрудником германской службы безопасности, вхож к Гиммлеру. В Испании осуществлял связь между франкистской разведкой и гестапо. Наша резидентура пыталась взять его в разработку, правда, безрезультатно. Такие фигуры, как Майендорф, просто так по свету не раскатывают. Обратите внимание на такой факт – Майендорф, по нашим сведениям, отправился в Японию в середине сентября, а письмо было отправлено из Берлина за день до подписания договора с Германией.

Берия насторожился.

– Ви имеете в виду, что встреча планировалась заранее?

– Не исключено. В любом случае надо бы позволить друзьям детства встретиться и поговорить. Для этого просто необходимо получить согласие Шееля.

– Полагаете, они питаются разыграть барона втемную? – спросил Берия.

– Возможно.

Берия некоторое время размышлял, потом вынес решение.

– Хорошо. Трущев, раз уж ты так доверяешь этому барону, ты его и уговоришь. Обещай что угодно, но он должен встретиться с Майендорфом.

Трущев не удержался от замечания.

– Товарищ нарком, я вовсе не доверяю Шеелю. Просто считаю преждевременным обру-
бать концы.

– А ми, значит, – развел руками нарком, – такие ротозеи, что готовы вместо того, чтобы
разгадать замисел врага, заняться поиском двурушников в своих рядах. Партия нам этого не
простит.

Затем он обратился к Федотову, до того момента скромно сидевшему за столом.

– Ты как считаешь, Павел Васильевич?

Тот ответил не сразу, сначала несколько раз взглядом пересчитал пальцы на левой руке,
затем неловко поднялся и доложил:

– Полагаю, нам кидают отравленную наживку. Полагаю также, в этом деле нельзя спе-
шить, пусть враг выявит нутро.

Берия кивнул.

– Вот и держи это дело под контролем.

* * *

Приказ отправиться на Урал был верным признаком, что пришел черед Трущева быть
подвергнутым тщательной и жесткой проверке на соответствие требованиям, введенным в под-
разделениях наркомата внутренних дел. В ту пору как раз на такого рода поездках многие
ломали себе шеи.

В разговоре Николай Михайлович признался:

– Я две ночи не мог заснуть, вертелся на верхней полке, прикидывал так и этак. С чего
начать – с проверки доноса Ефимова или в первую очередь заняться Шеелем? Профессио-
нально меня более всего занимал Барон – такую кличку Шеелю придумал Берия. Кто он? Зачем
эта заваруха с письмом? Ведь он и раньше получал из Германии корреспонденцию от каких-то
древних и дальних тетушек. Правда, редко. Было три или четыре письма, их копии я нашел в
архиве. Если Шеель законспирированный агент, зачем его так вызывающе светить перед нами?

Или все-таки сосредоточиться на фактах?

Николай Михайлович глубоко затынулся, выдохнул табачный дым и следующим образом
прокомментировал это место:

– Что касается фактов, могу подтвердить: как в судебной практике тех лет все решало
признание обвиняемого, так и в оперативной работе во главу угла ставился *факт*, под кото-
рым чаще всего понималась запись в личном деле. Стоило только в анкете появиться строке,
фиксирующей то или иное событие, – чаще всего «участвовал» «не участвовал», – факт при-
обретал абсолютный характер. Его нельзя было вычеркнуть или опровергнуть, он становился
мерилом верности политической линии, добросовестности, деловых качеств. Если при рассле-
довании всплывали какие-нибудь сведения, связанные с «чуждым происхождением», дружбой
либо знакомством (не говоря уже о родственных отношениях) с врагами народа или хотя бы
подозрение на такого рода отношения, – карьеру, а то и жизнь, можно считать загубленной.

Неопровержимым доказательством вины являлось, например, неумение держать язык за
зубами, как, впрочем, и сокрытие факта распространения контрреволюционной пропаганды,
в которую включались и анекдоты, например: «Какая разница между капитализмом и социа-
лизмом? При капитализме человек эксплуатирует человека, а при социализме наоборот», –
а также призывы к свержению советской власти. К призывам относили не только публичные
высказывания на кухнях, но и частушки типа: «Ах, огурчики-помидорчики. Сталин Кирова
зарезал в коридорчике».

Эти общие указания, в частности, касались и командировок, в которые при Ежове то
и дело отправляли сотрудников центрального аппарата. Негласным правилом для них, пусть
даже и не имевших прямого отношения к выявлению двурушников и троцкистов в своих

рядах, – являлось негласное требование привозить из поездок списки тех, кто не внушает доверия и, следовательно, должен быть немедленно отстранен от дел или подвергнут более серьезному наказанию. Чем длиннее был список, тем лучше. Год назад вернись я в Москву с пустыми руками, меня бы через неделю на Лубянке не было.

Правда, с приходом Берии, а также с назначением Федотова начальником СПО положение заметно изменилось. Федотов оказался одним из немногих сотрудников, работавших в аппарате Ежова, кто не был отвергнут Берией. Более того, вскоре он получил повышение по службе. Дело дошло до того, что он полностью ликвидировал руководство двух областных управлений за то, что там из карьеристских соображений плодили заговор за заговором, и, тем не менее, власть *факта* по-прежнему подспудно довлела над нами.

Именно опираясь на такого рода данные, я должен был взяться за дело. В первую очередь собрать компромат на начальника райотдела Кудасова и окружавших его людей, затем допросить подозреваемых, почему они либеральничают с Шеелем и так далее... Если руководствоваться этими правилами, требование Ефимова немедленно арестовать Шееля выглядело более чем логичным. С другой стороны, такая мера напрочь обрубала все концы и в то же время давала возможность врагу выйти сухим из воды.

Вот тут и повертись! Я чувствовал себя как карась на раскаленной сковородке, а то вы, молодые, все «репрессии, репрессии», «сталинские соколы», «ежовщина»!.. «Сажали пачками, не разбираясь!» Как бы не так. У каждого было право на выбор. Усек? Пусть даже вот такой, – он показал мне кончик мизинца, затем добавил: – Что касается ежовщины, занеси в протокол... то есть в роман, что это выражение появилось еще до войны и не без тайного одобрения Петробыча. Хозяин умел переводить стрелки на других. Говорю, что знаю.

Николай Михайлович закурил.

– Здравый смысл подсказал мне – не теряй голову. Если в этом деле обнаружились неясности, их надо высветить. Этого требовала от меня партия.

Трущев начал с Кудасова.

Более задерганного человека, чем начальник Краснозатонского райотдела Игорь Кудасов, Трущев не встречал. Это был молодой, чуть за тридцать, плечистый мужчина, бледный как смерть и постоянно позевывавший – то ли от беспробудной усталости, то ли от груза ответственности. В беседе с московским гостем он признался, что ему не до письменных объяснений.

– Понимаешь, Трущев, дел выше крыши. Скоро сдача «деревяшки», а тут история с Шеелем, будь он неладен. Усек? Наш город небольшой, неприметный, ввод в строй фабрики дельта-древесины для нас чрезвычайно важное событие. Особенно с политической точки зрения – ведь это работа для жителей, ощущение причастности к чему-то более важному, чем лесозаготовки, изделия кустарей и народные промыслы. Чтобы тебе прояснилось, объясняю: дельта-древесина – это особым образом склеенная и профилированная фанера. Важный стратегический продукт! Из нее будут изготавливать крылья для самолетов, крепеж, части корпусов. По прочности она не уступает металлу, но куда дешевле. Не мне тебе объяснять, что означает этот факт в нынешней непростой международной обстановке. Сейчас идет наладка оборудования. Станки везут из Германии и Соединенных Штатов, а Шеель знает языки, и с головой у него все в порядке. Если мы завалим сдачу, всему руководству комбината, городскому партийному начальству, да и мне тоже, очень не поздоровится. Усек?

Трущев кивнул.

– А этот... со своей бдительностью! – выматерился Кудасов. – Все пишет и пишет! Секретарь райкома, управляющий трестом в Свердловске, партбюро стройки – все просят за Шееля. Без него рез, линию в срок не ввести. Посмотри за окно – у нас зима, двадцатиградусные морозы, снега по колено, не успеваем расчищать. Люди с производственной площадки не вылезают, ночами не спят. То одно, то другое. Старик трудится сверхурочно, никаких жалоб. Пере-

водит документацию с немецкого, с английского, лично делает на месте разметку под прямки. Ну, отказался он встречаться с прежним дружкой – и что? Разве он не вправе отказаться?

Трущев ни словом, ни взглядом не выразил неодобрения такому непривычно пренебрежительному для советского человека отношению к бдительности. Тем более в устах начальника-чекиста.

Кудасов с пониманием отнесся к такой позиции и, вздохнув, продолжил:

– Удобную, понимаешь, занял позицию. Если ввод в строй предприятия сорвется, он заявит – я же сигнализировал! Надеется выйти сухим из воды. Ну, скажи, Трущев, как партиец и чекист, как я должен поступить в этом случае? Пойти на поводу у этого перестраховщика? Изолировать Шееля?

– Вы, товарищ Кудасов, все-таки найдите время и напишите все подробно, – посоветовал Трущев, сделав особый упор на слове «товарищ». – В Москве разберутся. А Ефимов со своей позицией может и просчитаться.

– И я о том же! – порозовел начальник райотдела.

– А пока организуйте мне встречу с Шеелем, только не в райотделе, а где-нибудь в укромном месте.

– Сделаем! – пообещал начальник райотдела.

Весь день до вечера Николай Михайлович упорно готовился к встрече с Бароном. Прежде всего познакомился с местными данными – их, благодаря активности Ефимова, оказалось немало. Затем перебрал в памяти все, что знал о нем, и попытался наметить линию разговора. Для этого особое внимание уделил фотографиям. В школьные годы ему в руки попала книга, в которой описывалось, как какой-то знаменитый сыщик по фотографиям отыскивал преступников. Стоило ему только взглянуть на изображения подозреваемых, как он безошибочно тыкал пальцем – вот этот! При этом всякие ссылки на «чудо» сыщик решительно отбрасывал. Свою прозорливость он объяснял исключительно «научными соображениями». В книге всерьез утверждалось, что человеческая душа имеет материальную основу. Эта тончайшая субстанция представляет собой напластования атомов и всяких прочих невидимых элементарных частиц. Они-то и составляют биографию каждого индивидуума, но главное – содействуют несмываемости улик, обязательно, рано или поздно, проступающих на лице преступника. Уверовав в чудеса материализма, Трущев взял личное обязательство развить в себе такого рода способности, без которых трудновато будет построить социализм.

Получив назначение в НКВД, он полагал, что лучшего места для осуществления своей мечты ему не найти и, поднабравшись профессиональных навыков, используя сверхчувственную проницательность, ему удастся загнать в угол любого врага. Действительность оказалась грубее, требования к сыскной работе проще – постоянно повышай бдительность, остри чутье и, опираясь на простых советских людей, особенно на негласных активистов, собирай факты. Активисты действительно не дремали и заваливали НКВД сообщениями о планируемых там и тут терактах, о контрреволюционных разговорчиках и нездоровых насмешках над всем, что было дорого и свято. В таких условиях собственно оперативной работе было тесновато, однако этот разлад вовсе не разочаровал Трущева. Он был согласен, врага следует добивать на корню, однако такой настрой – так ему казалось – вовсе не исключал необходимости повышать квалификацию.

С этих позиций он и рассматривал фотографии, которых в деле барона Шееля хватало. Вот анфас, вот профиль. Вот тычет куда-то пальцем – вероятно, указывает направление в светлое будущее. Вот Шеель среди итээровцев – отпустил усы и ничем не выделяется из общей массы. Вот в толпе собравшихся на субботник стахановцев и активистов – стоит, опершись на лопату.

Эти два последних снимка очень заинтересовали Николая Трущева. Что-то в них было не так. Зачем опытному инженеру лопата? Зачем усы? Зачем прячется за черенок? Чтобы показать – смотрите, какой я сознательный?

Он долго разглядывал лицо старика и никак не мог выявить скрытую причину, толкнувшую человека дворянских кровей отправиться на Урал, в страну пытавшихся обратить сказку в быль коммунистов. Что он здесь искал? Почему в глазах скрытое пренебрежение и даже насмешка, а во вцепившихся в черенок пальцах столько показного энтузиазма?

Вот что поразило Трущева во время беседы с этим непомерно высоким, высохшим донельзя человеком – какая-то присущая только худым людям чрезмерная непримиримость, доходящая до фанатизма. Тот явился в райотдел прямо с производственной площадки, на крыльце смел веником снег с валенок, затем гордо, но вежливо поинтересовался у дежурного – куда пройти. С той же старорежимной обходительностью разговаривал с Трущевым, представившись уполномоченным из Свердловска, однако доброжелательный тон разговора ни на йоту не подвинул Шееля к согласию. Он был решительно против всяких встреч «со своим прошлым». Кроме того, красный барон не желал тратить время «на всякие глупости». До сдачи объекта осталось несколько месяцев, а дел невпроворот. На железной дороге заносы. О какой поездке в Свердловск может идти речь?!

– Если товарищ чекист настаивает, чтобы я пожертвовал драгоценным временем, командировку в областной центр надо обязательно согласовать с облтрестом. Вам это сделать несложно.

– Вы не любите чекистов? – задал провокационный вопрос Трущев.

– Чекистов я уважаю, – ответил Шеель, – но не могу позволить кричать на себя.

– Наш сотрудник погорячился, вы должны понять его – он на посту.

– А я? Разве я бездельничаю или, как у вас говорят, ваньку валяю? Пока я собственными руками не пощупаю первый лист фанеры, я не буду иметь покоя. Так и скажите вашим начальникам.

– Так и скажу, Альфред Максимилианович. Но вы должны и нас понять. Бывают разные обстоятельства. Если я вас правильно понял, вы настаиваете на официальном оформлении вашего отъезда в Свердловск. Но мне кажется, не в ваших интересах привлекать внимание к этой поездке. Это также и не в наших интересах.

– Нет уж, увольте! Зачем человеку, лишенному выбора, соглашаться добровольно засунуть голову в петлю? Вы уж как-нибудь сами.

– Что вы имеете в виду?

– Ну как же! Ваш коллега грозился арестовать меня, если я откажусь встречаться с Людвигом. Однако стоит мне встретиться с ним, и я сразу попаду на заметку. Мне уже не отмыться, и рано или поздно мне предъявят обвинение в связи с фашистами. Так что лучше я откажусь от встречи, чем соглашусь на нее.

Это замечание, разумное само по себе, наводило на мысль, что Шеель знает больше, чем говорит. Такой ход, как попытка уговорить его встретиться с Майендорфом, был просчитан им заранее, так что классовый подход к детской дружбе здесь был ни при чем. Была еще одна зацепка, прорвавшаяся по ходу беседы, но сразу Трущев не сумел ее оценить. Он, имея в виду указание Берии, которое, конечно, к делу не подошьешь, рискнул пообещать:

– Альфред Максимилианович, я гарантирую вам неприкосновенность после встречи с Майендорфом.

– Вы гарантируете, что мне никогда не будет предъявлено обвинение в том, что я имел контакт с подданным иного государства?

«Отличная формулировка», – поставил еще одну зарубку на память Трущев и подтвердил:

– Именно это я и хотел сказать.

- Чем вы можете подтвердить это предложение?
- Честное слово вас устроит?
- Ваше – нет.
- Чье вас устроит? Начальника управления?
- Да.

На следующий день Трущев помчался в Свердловск. Там прорвался в кабинет к начальнику управления и постарался объяснить, что необходимо срочно связаться с Москвой.

Трущев не мог скрыть самодовольства, которая вызывала у него – даже теперь, спустя столько лет! – проявленная им тогда прыть.

– Вам стоило бы видеть лицо начальника областного управления, когда он получил секретную шифротелеграмму, в которой «в связи с оперативной необходимостью разрешается подтвердить гарантии, выданные Барону младшим лейтенантом госбезопасности Трущевым Н. М.». При виде подписи – «Берия» глаза у начальника управления, громадного, под два метра, крупного человечища, – грудная клетка как бочка, – полезли на лоб. Впрочем, у меня тоже.

Начальник выматерился и показал мне, человеку невысокому, изящному, пудовый кулачище.

- Ну, Трущев, смотри. Если дело сорвется, лучше на глаза не попадайся.
- Так точно, товарищ старший майор.

Глава 2

Вечером, когда Трущев в самый снегопад, усталый донельзя, вернулся из Свердловска, в дверь избы, где он снимал комнату у местной одинокой старушенции, постучали.

На пороге стоял Закруткин. Он был в длиннополом, буржуазного покроя, кожаном пальто, в руке – маленький чемоданчик, в другой – роскошная кожаная шляпа. Этаким парижанин в поглощаемом сумерками и снегом, забытом Богом Краснозатонске.

– Ничего, что как снег на голову? – деловито поинтересовался полковник и протянул руку. – Здравствуйте, Николай Михайлович. Вот Кудасов направил к вам, пообещал ночлег, – гость искоса глянул на стоявшую рядом хозяйку. – Предупредил, Нина Петровна – человек надежный, проверенный, во время Гражданской войны была связной в партизанском отряде. Правда, Нина Петровна?

Старушенция Бестужева поджала губы.

– А я, – весело продолжил Закруткин, – командовал кавалерийским эскадроном во Второй конной. Так что мы с вами, можно сказать, боевые соратники. Надеюсь, станем друзьями.

Старушка оттаяла.

Трудно сказать, то ли хозяйке сразу приглянулся худощавый, с темными волосами и выразительным южнорусским лицом гость, то ли на нее произвело впечатление напоминание о его боевом прошлом, то ли его готовность сходить в сарай за дровами, только она, до сих пор двумя словами с Трущевым не перекинувшаяся, сразу пригласила постояльцев попить чайку с брусничным вареньем.

Не спеша пили чай. Закруткин и Трущев терпеливо слушали рассказ Бестужевой, как она во время белогвардейской оккупации, рискуя жизнью, пробиралась из партизанского отряда в захваченный белыми город. Такой подробный, поднадоевший Трущеву рассказ, с которым у них в школе каждый октябрьский праздник обязательно долго и нудно выступали ветераны Гражданской войны.

О Шееле она отозвалась вполне определенно: «Не наш он, хитрый!..»

Затем Закруткин вместе с Трущевым вышли на крыльцо покурить. Накурившись, они за полночь, по удивительно скрипучему – к морозу! – насту отправились в райотдел, где полковник приказал молодому сотруднику познакомить его с собранными по делу Шееля материалами.

Они расположились в соседнем с кудасовским кабинете, сели за стол друг напротив друга. На столе были разложены донесения, справки, фотографии. Свет настольной лампы был слишком ярок, и полковник щурился. Он был немногословен, изредка принимался что-то беззвучно насвистывать про себя. Трущев, нечаянно уловивший мелодию: «Эй, комроты, даешь пулеметы!..» – едва удержался от того, чтобы не подхватить: «...даешь батарей, чтоб было веселей!», – но не решился, хотя желание так и зудело. Подсвистывать полковнику, это знаете ли...

Сосредоточился на ощущениях.

И вовремя!

Как раз в этот момент Константин Петрович взял фотографию Алекса-Еско Шееля. Руки у него дрогнули, и в следующее мгновение Трущев ощутил озноб, будто голову окатили ледяной водой, затем до него четко и раздельно донеслось что-то напоминающее вскрик:

«Что?! Не может быть!!!»

Николай Михайлович в первое мгновение растерялся – что за вопль, откуда он, ведь Закруткин рта не раскрыл!

Он осторожно глянул на полковника.

Закруткин, человек волевой, тертый, по-видимому, перехватил взгляд сидевшего напротив простоватого на вид энкавэдэшника и, помедлив, с равнодушным видом перевернул фотографию. Глянул на тыльную сторону и вернул в начальное положение.

Трущев, снимая напряжение, пояснил:

– Это сын старого барона, Алекс-Еско, – и ни с того ни сего добавил: – Он – комсомолец, – словно этот факт мог помочь ему скрыть от Закруткина случившуюся нелепость, ведь нельзя услышать то, что не было сказано. О чем только подумалось!

– Я догадался, – невозмутимо кивнул полковник.

Он вернул фотографию Алекса на стол и затем начал перебирать снимки старого Шееля.

– Что по поводу Барона? Какое ваше мнение?

– Ничего определенного сказать не могу, но есть несколько зацепок.

– Детальней, – приказал Закруткин.

– Не знаю, как выразиться... – признался оперативник.

Закруткин посоветовал:

– Проще, Николай. Ничего, что я по-свойски? Ощущения? Давай ощущения. Факты? Давай факты. Мы с тобой, Коля, теперь в одной лодке. Наша задача – ничего не упустить во время встречи и постараться выявить вражеское нутро. Меня прислали тщательно отработать Майендорфа, составить, так сказать, его психологический портрет. Начальство очень запало на этого «дипломата». Сподхватил мою мысль?

Трущев кивнул и слово в слово передал разговор со стариком. Обратил внимание, что формулировки у старого барона отточенные и, что важнее, продуманные заранее. Однажды он выразился: «как у вас говорят, ваньку валяю...» Словно уточнил: вы – это вы, а мы – это мы. Это наводит на мысль...

– Мысли пока отставить! – приказал полковник. – Давай ощущения.

– Вот я и говорю. Мне показалось, что Шеель подспудно отделяет себя. Не могу сказать, то ли от всех, то ли от чекистов.

– Это хорошо, это так и должно быть. Он все-таки из старорежимных, чего ему с нами сюсюкать, – ответил Закруткин, затем поинтересовался: – У тебя есть сомнения в его искренности?

– Так точно, товарищ полковник.

– Это хорошо... Что по поводу молодого Шееля?

– Судя по свидетельствам одноклассников, свой в доску. Комсомолец, голова светлая – с ходу поступил в Уральский политех. Убеждений самых советских, в этом нет никаких сомнений, увлекается межпланетными перелетами. Я полагаю провести с ним беседу...

– Ни в коем случае! – запретил Закруткин. – Нам с тобой светиться нельзя. Не хватало еще, чтобы Майендорф по приезду составил наши словесные портреты. К тому же твои коллеги в Свердловске будут очень рады, если ты все возьмешь в свои руки. Будет на кого свалить! Пусть тоже почешутся. Опыт, Коля, подсказывает, что одной встречей здесь не обойдется, и мы с тобой еще наплачемся с этим дворянским отродьем. Ты уже встречался со стариком, так что поговори с ним, предупреди, чтобы он и его сын не принимали никаких подарков, ничего не подписывали и ничего не трогали руками. А мы с тобой подежурим за занавеской. Найдется в ресторане занавеска? Как считаешь?..

Здесь Николай Михайлович признался.

– Полковник вовремя одернул меня. Я-то по глупости был рад проявить инициативу. Правда, в тот момент меня куда более интересовало, что означало это самое «не может быть»? Как я удержался, чтобы не поинтересоваться у Константина Петровича, объяснить не могу. Слышал о Мессинге?

Я кивнул.

– Так вот, Вольф Мессинг позже подсказал – все дело в тайнах человеческой психики. А может, в закваске – мы в России люди северные, торопыг не любим. В любом случае эта тугодумность или деликатность – как хочешь, так и называй – спасла мне жизнь. Когда меня в связи с делом Шееля взяли в разработку, эта деталь дала мне шанс.

* * *

В самой встрече, состоявшейся в начале сорокового в ресторане при свердловском вокзале, ничего примечательного не было.

Стол, за которым устроились Альфред Максимилианович Шеель с сыном и Людвиг фон Майендорф, находился под пристальным наблюдением оперативников. Разговор записывался на пленку⁷. Трущев и Закруткин, расположившиеся за занавеской отдельного кабинета, тоже слышали разговор. Трущеву, выросшему в доме на Лютеранской (ныне Энгельса) улице, где жили несколько немецких семей, вполне хватало детского, а также добавленного в спецшколе немецкого, чтобы понять о чем идет речь. Это были безобидные воспоминания о детстве, о местной гимназии, о клубе любителей гребли. Старший Шеель еще до Первой мировой войны два года был рулевым на гоночных четверках и восьмерках. Когда альтер комараден напомнил ему об этом, старик даже покраснел от удовольствия. Друзья вспомнили о напутственных словах ректора школы в Дюссельдорфе, в прощальной речи возвестившего выпускникам, что отныне перед ними «открыт путь к высочайшим свершениям и почестям», – и как они потом делились друг с другом: «Нет, почести – это не про нас».

Разве что свершения...

Вспомнили развалины Гейдельбергского замка, мимо которых Альфреду Шеелю приходилось добираться до школы. Вспомнили признание барона, сделанное в выпускном классе. В ту пору Альфреда более всего его привлекали заброшенные замки и кривые улочки, и он хотел бы заняться архитектурой.

Трущев невольно отметил про себя – ни барон, ни Майендорф не понижали голоса. Это было так любезно с их стороны по отношению к звукозаписывающей аппаратуре и напрягшимся оперативникам!

Вообще, Шеель, вначале суровый и неприступный, скоро оттаял, и Трущев впервые услышал, как тот смеется. Воспоминание о булочках с вестфальской ветчиной, которыми они тайно с Майендорфом лакомились на кухне, привело его в совершенный восторг.

А вот молодой Шеель чувствовал себя за столом неуютно. На нем была коричневая вельветовая куртка на молнии, на груди комсомольский значок. На Майендорфа он поглядывал как на свалившегося с неба марсианина. Во взгляде стыло недоумение, словно парнишка никак не мог сообразить, каким образом этот веселый высокопоставленный фашист в добротном буржуазном костюме вдруг оказался в сердце пролетарского Урала.

Майендорф сумел вогнать его в краску.

– Я знал тебя с детства, Алекс, а ты по-прежнему пялишься на меня, как на врага. Кроме классового подхода есть много других поводов для общения с друзьями и знакомыми. К тому же, я вовсе не кровожадный фашистский зверь, а твой добрый дядюшка Людвиг. Надеюсь, ты меня помнишь?

Алекс неохотно кивнул.

Не обращая внимания на смущение молодого Шееля, Майендорф лукаво улыбнулся.

– А Магди?

Еще кивок.

---

⁷ Звукозаписывающая аппаратура появилась в НКВД в конце 30-х годов.

– Магди уже совсем взрослая. Она часто вспоминает тебя, просила передать тебе привет. Помнишь, как вы с моей дочерью ходили на забавное представление какого-то Мессинга?

Алекс наконец позволил себе открыть рот и поправить дядюшку Людвиг:

– Его выступления назывались «психологическими опытами». Он отыскивал предметы, спрятанные в зале.

– Правильно, – улыбнулся Майендорф. – Прошло столько лет, но, я надеюсь, мы остались друзьями?

Опять неуверенный, трудный кивок.

– Вот и хорошо. Каковы твои успехи в учебе? Какую стезю ты выбрал на новой родине?

– Инженерное дело, – ответил справившийся наконец со смущением Алекс.

– Конкретнее? – поинтересовался классовый враг. – Что в инженерном деле особенно привлекает тебя?

– Полеты в межпланетное пространство.

Это неожиданное признание внесло легкий разлад в легкомысленный и доброжелательный настрой. Майендорф вмиг посерьезнел.

– Это интересно. Ты надеешься воплотить мечту в жизнь?

– Да. После победы пролетариата мы шагнем за пределы атмосферы.

– Причем здесь победа пролетариата? – удивился Майендорф. – В Германии тоже активно занимаются проблемами реактивного движения. Например, профессор Оберт⁸.

– Я знаком с его трудами, – сообщил Алекс.

– О-о, вы серьезный юноша. Крепко беретесь за дело. Чувствуется германская кровь. Послушай, Алекс, ты не хотел бы черкнуть несколько строк Магди?

Майендорф достал из внутреннего кармана ручку и почтовую открытку и протянул их Алексу.

Тот густо покраснел и решительно отказался:

– Простите, дядя Людвиг. Я совсем не помню Магдалену.

– О-о, эта мужская забывчивость! – засмеялся Майендорф. – А ведь вас называли женихом и невестой. Ну, как хочешь.

Алекс неожиданно нахмурился и начал прощаться. Поднялся и торопливо вышел.

Трущев отметил про себя, что молодой человек четко выполнил просьбу, переданную ему через отца Закруткиным – ничего не передавать Майендорфу, ничего не подписывать, ничего не брать в руки.

Майендорф с трудом скрыл разочарование и так же аккуратно разложил по карманам ручку и открытку.

Они еще немного посидели со старым Шеелем и распрощались. На прощание Майендорф меланхолично заметил:

– Только Богу известно, когда мы еще встретимся, Альфи.

Сличение записи разговора, произведенное в областном управлении, с представленным старшим Шеелем отчетом, ясности не внесло. Все материалы сходились текстуально – ничего подозрительного в них не было. Даже в Москве аналитики, прошедшие подготовку в спецотделе, разрабатывавшим сверхчувственные методы обнаружения истины, а также определение личностных характеристик по почерку и иным психофизическим данным, не обнаружили в

---

⁸ Герман Оберт (1894–1989) – из пионеров ракетной техники. В 1938–1940 годах проводил экспериментальные работы в области ракетной техники в Вене, а в 1940–1941 годах – в Дрездене. В 1941–1943 годах – инженер-консультант в Немецком военно-исследовательском центре в Пенемюнде. В 1943–1945 годах – инженер-консультант по разработке пороховых военных ракет на Вестфальско-Анхальтских заводах взрывчатых веществ. Один из основателей Немецкого общества ракетной техники и космического полета. В 1951 году Общество учредило медаль Оберта, присуждаемую за фундаментальные исследования и выдающиеся заслуги в области ракетной техники и космонавтики. В 1963 году Обществу присвоено имя Оберта. В июне 1923 года за свой счет Оберт издает книгу «Ракета для межпланетного пространства» («Die Rakete zu den Planetenräumen»), переизданную позже в 1925, 1960, 1964 и 1984 годах.

рукописном тексте никаких потаенных смыслов, а также скрытой информации или инструкций вредительского характера.

После возвращения в столицу Трущев доложил Федотову о проведенных оперативных мероприятиях, а также о результатах проверки доноса Ефимова.

Тот внимательно выслушал молодого сотрудника, потом задал вопрос:

– Какой вывод, голубчик, можно сделать из вашего доклада? Нелицеприятный, голубчик! Врагу удалось переиграть вас! Если исходить из вашей версии, что Барон – скрытый враг, или, точнее, агент глубокого залегания, чем вы можете объяснить эту встречу?

Николай Михайлович почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Действительно, что он мог предъявить начальству? Уверенность в том, что Шеель заранее знал о встрече и готовился к ней? Интуитивную догадку – у Шееля, возможно, был особый канал связи? Этого крайне мало. С какой стати в Берлине стали бы так явно светить своего агента? И есть ли вообще потаенный смысл во всей этой нелепой истории или все это выдумки его богатого воображения? Тогда почему начальство так вцепилось в этого барона?

– Разберитесь, голубчик, во всей этой путанице. Учтите, мы постоянно опаздываем с оперативными мерами. Враг все время идет на шаг впереди нас. Следовательно, нам тоже надо поспешить. Нам требуется как можно быстрее выявить нутро и успеть сделать ответный ход.

– Может, арестовать Шееля? – предложил Трущев, пытаясь уйти от ответственности.

Федотов, до того момента смотревший в бумаги на столе, вскинул голову.

– Пытаетесь уйти от ответственности? Нехорошо, голубчик. Вы же сами настаивали – изоляция Барона преждевременна. Что же заставило вас изменить мнение? Полагаете, под давлением он что-нибудь выложит? А если ему нечего выкладывать? Если мы гоняемся за заячьим хвостом? Николай Михайлович, вы работник молодой, а я оттрубил в контрразведке восемнадцать лет, и поверьте: наша задача – выявить нутро. Партия надеется, что вы справитесь с этой задачей. Надеюсь, мне не нужно напоминать вам, что партия не простит нам ротозейства.

Следующий вопрос начальника застал Трущева врасплох.

– Дочка молчит?

Николай Михайлович помедлил, потом молча кивнул.

– Что говорят врачи? – спросил Павел Васильевич.

– Острый шок. От страха потеряла дар речи. Терапевтическое лечение не помогает.

– Когда это случилось?

– Перед самым моим возвращением с Урала. Поздно возвращалась домой с катка. В подворотне пристал какой-то негодяй. Начал пугать каким-то Горын Горынычем. Света перепугалась и потеряла дар речи.

– Негодяя нашли?

– Так точно. Посадили по 58-й, пункты восьмой и десятый⁹. Федотов вопросительно глянул на Трущева.

– Что, обнаружили умысел на теракт?

– Нет, товарищ старший майор. Преступник – местный пьяница Найденов. Он из бывших, как налижется, ко всем пристаёт. Просто на допросе он не смог объяснить, кто такой Горын Горыныч. Говорит, змей летучий. Его спросили – на кого намекаешь, гнида? Он ответил – ни на кого не намекаю, это образ такой сказочный. Ему тут же вlepили за контрреволюционную пропаганду, а умысел на теракт – это довесок.

---

⁹ 58–8. Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации. 58–10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2–58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы.

– Да, дураков у нас хватает... Говорят, в случае шока бывает полезен гипноз. Кстати, у нас есть такой специалист, врач Смирнов Николай Александрович. В конце двадцатых он выступал с сеансами массового гипноза. Может, слышал – работал под псевдонимом Орландо. Я попробую поговорить с ним, но на успех не рассчитывай. На нем сейчас висит спецлаборатория.

После паузы начальник КРО произнес подтвердившим голосом.

– Давай вернемся к Шеелю. Все личное отставить. Ищи ниточку, Николай.

Выйдя из кабинета, Трущев не удержался и вытер пот со лба, затем с горечью прикинул – ищи, говорит, ниточку.

Где ее искать?

* * *

Вернувшись на рабочее место, Трущев раскрыл папку с материалами по делу Шееля и с ненавистью глянул на собранные здесь бумажки.

Что еще можно было выжать из этой груды изученных до последней запятой и проверенных до самых мельчайших фактиков документов?

В голове была сумятица. Перепуталось все: Шеель, Ефимов, Кудасов, Берия, Меркулов с Найденовым – все они зачем-то слились в шестиглавого, пышущего огнем змея.

Окатили пламенем.

Трущев даже вздрогнул. Из-под спуда ни с того ни с сего всплыло лицо дочери. Света была ему неродная. С первого дня знакомства она называла его папой.

Скоро в школу, а девочка молчит, будто воды в рот набрала. Удивительно заботливая и не по годам рассудительная кроха. Раньше, как было, придешь с работы, она обязательно напомнит – папа, надень тапочки; папа, лежа не читают, можно испортить глаза.

Такая маленькая промокашка, а учит!..

В который раз Трущев перебрал уложенные в папку фотографии, перечитал справки, рапорты наружки, донесения, записи опросов свидетелей – все, что было собрано о Шеелях, якобы с самыми добрыми намерениями приехавших в Советский Союз. Все одно и то же: не состоял, не присутствовал, не замечен, анекдотов не распространял, в общественных мероприятиях принимал самое активное участие. С лопатой в руках, невесело пошутил про себя Трущев. Фотографии, собранные в папке, тоже нахально помалкивали.

К каким только врачам Свету ни водили, все только руками разводят. Советчиков тоже хватает, особенно по месту службы. В парткоме обещали помочь. Федотов тоже – вспомнил об Орландо-Смирнове! К Смирнову вообще не подступиться, его курирует Абакумов. Говорят, собирается жениться на его дочери. Вот так всегда – в одном ведомстве трудимся, одной идее служим, а помочь нельзя. Спецлаборатория, видите ли, на нем висит! Секретность!..

Николай Михайлович, будучи еще совсем молодым членом партии, не удержался и в сердцах проклял тот день, когда он согласился перейти на предложенную инструктором Московского горкома интересную работу. Отчего он не поступил в военную академию? Сейчас бы ходил с наганом в кобуре. Оружие очень прибавляет мужчине росту.

Проклял и машинально глянул по сторонам – не услышал ли кто из коллег, сидевших поодаль? В просторной комнате их было семь человек, каждый на достаточном расстоянии друг от друга. Вроде бы тихо, и кто, скажи на милость, способен проникнуть в чужие мысли и проверить, в какой форме и в чей адрес они направлены? Николай выругал себя за отсутствие выдержки и ехидно поинтересовался – как насчет «не может быть!», которое он уловил в Краснозатонске? Тоже, скажешь, не было?

...Очень кудрый хвост у этого барона, никак не ухватишь.

Трущев рьяно потер виски – что ж ты, комроты? Где пулеметы? Где батареи?.. Что у нас есть? Версий две – либо Шеель враг, либо свой в доску товарищ. Разгадка в этой злополучной встрече. Тут он поймал себя на мысли – не слишком ли большое значение он придает этому в общем-то пустяковому факту. Что, по большому счету, может означать эта встреча, как не уловку с целью сбить с толку повисших на хвосте у Майендорфа чекистов? Слишком броско, нараспашку. Все ждут – сейчас что-нибудь случится! Сейчас они обменяются донесениями, паролями, взрывными устройствами и черт знает чем еще. Руководство склонялось к версии компрометации Шееля, чтобы другим баронам было неповадно помогать большевикам.

Молодой опер в который раз перебрал ненавистные бумаги.

Тут его и кольнуло – почему на хвосте у Майендорфа? Почему не на хвосте у Шееля?!

Он затаил дыхание, резво потер виски. Действительно, почему все уверились, что главная фигура во всей этой интриге – Майендорф? Почему не Альфред Максимилианович? Что, если с помощью Майендорфа он попытался избавиться от повисших у него на хвосте чекистов? Как иначе Барон мог расценить предложение Ефимова стучать на сослуживцев? Откажешься – значит, неискренен, согласишься – потом не отвяжутся. Лучшим громоотводом в этом случае мог бы послужить Майендорф. Такой удобный случай доказать свою искренность Шеель не мог упустить.

К тому же он имеет весомую поддержку в облтресте и даже в наркомлесе, и если кому-то придет в голову отдать приказ изолировать его, он должен будет учитывать, что о Шееле известно в Москве и за него спросят.

И крепко спросят!

В таком случае ни о какой компрометации Шееля речи не идет, и Альфред Максимилианович – враг. И матерый!.. Следовательно, за десять лет в Советском Союзе он не мог не наследить. Тогда где эти следы? В биографии, в послужном списке. Выходит, ты один такой умный, а все остальные лопухи? Выходит, грош цена всем этим справкам, опросам, докладным, фотографиям, отчетам и прочей макулатуре? Трущев осадил себя – вовсе необязательно. Просто каждым случаем занимались разные следователи, от них требовали результат, и побыстрее. У них просто не было ни времени, ни возможности расширить угол обзора.

О ком еще упоминал Майендорф во время встречи на вокзале? О каком-то Мессинге? Кто такой Мессинг?

В списке рассылаемых запросов Трущев первым поставил этот вопрос. Чекистское чутье подсказало – фамилия сомнительная, род занятий неясен, какие-то «психологические опыты». Как будто чуял, что в дальнейшем его ждет встреча с этим странным человеком. Удивительно, первый ответ он получил именно на Мессинга. В справке сообщалось – есть такой чудак, в начале Второй мировой войны перебежавший из Польши в СССР. Род деятельности – артист, приписан к Брестской филармонии, однако какой-то странный артист. Скорее циркач... Во время представления берется угадывать человеческие мысли. Одним словом, то ли мошенник, то ли шарлатан, спекулирующий на тайнах человеческой психики. В настоящее время живет и работает в Белоруссии, имеет разрешение выступать с концертами. Никаких контактов с интересующими Трущева людьми у него не было.

На следующий день его вызвал Федотов.

– Нарыл что-нибудь?

Спросил доброжелательно, но это – сердце подсказало Трущеву – была последняя доброжелательность, какую мог позволить себе Федотов.

Он отрицательно покачал головой, сообщил, что сделал запросы в связи с тем, что наметился новый подход к делу Шееля.

– Какой? – поинтересовался Федотов.

Трущев объяснил – возможно, главной фигурой во время встречи старых друзей является вовсе не Майендорф, а Шеель. Если да, то следует более тщательно покопаться в его био-

графии. Начальник ничем не выразил своего отношения к этой идее. Сказал как бы между прочим:

– Иди работай.

Вернувшись на рабочее место, Николай Михайлович для начала еще раз прошелся по биографии Шееля. Тот за девять лет сменил три или четыре места работы.

Три или четыре?..

Первое – в Верещагино в Пермской области, второе – в Первоуральске, третье – Пермь, затем Свердловск. Наконец, Краснозатонск.

Получается пять...

Он отправился в архив, попросил подобрать ему дела о поджогах за тридцатый – тридцать девятый год.

Первым ему принесли дело о пожаре на крупной лесопилке в Перми, обеспечивавшей деревянными конструкциями строительство авиационного завода № 84. Предприятие сгорело дотла, летом, в самую сушь.

Комиссия наркомата сделала заключение – имел место «виртуозно» организованный поджог. Трущев просмотрел состав комиссии. Глаз наткнулся на знакомое имя – Шеель А. М. Николай Михайлович вернулся к более ранним документам и обнаружил, что во время строительства Шеель исполнял обязанности главного инженера, фактически начальника этой стройки. Он же был ответственным за наладку оборудования. После ввода лесопилки распоряжением наркомлеса его направили в Свердловск. Пожар на прежнем месте работы случился, когда его уже полтора месяца не было в Перми.

Трущев почесал затылок – вредителей и замаскировавшихся троцкистов уйма, а причину возгорания найти не удалось, а ведь НКВД вплотную занимался этим делом. Было задержано около двух десятков человек. Особое внимание привлек следующий факт – из девяти подозреваемых, взятых по этому делу, восьмерых выпустили на свободу за недоказанность вины, правда, под негласный надзор местного райотдела. Девятый все-таки получил срок – за день до катастрофы его видали на работе выпившим.

Просмотрев протоколы допросов и, прежде всего, ответы несчастного пьяницы, Трущев обнаружил, что всем был задан вопрос об их связи с Шеелем и возможности его участия в преступной акции, однако подследственные не могли припомнить ничего такого, что могло бы скомпрометировать Барона. Даже матерый вражина, в пьяном виде разгуливавший по лесопилке, решительно отверг всякую связь с «понаехавшими буржуазными спецами». Да, с Шеелем общался, но исключительно по служебной надобности, что могут подтвердить коллеги. На вопрос, не мог ли сам Шеель организовать поджог, обвиняемый ответил – хрен его знает! Затем, подумав, добавил – врать не буду, но вряд ли. Этот немецкий проныра всегда старался быть на виду. Он бы не стал доверять этому двурушнику, но и возводить напраслину не хочет. Такая искренность, впрочем, не помогла ему избежать заслуженного наказания.

Что в Свердловске?

Та же самая история – теракт. Сгорела крупная лесопилка. Возведение цехов Уралмашзавода оказалось сорванным на месяц. Самое интересное, что и там Шеель во время строительства исполнял обязанности главного инженера. Более того, он так же входил в состав комиссии, направленной наркоматом установить причину происшествия. Мнение Шееля однозначно – поджог. Вот и запись в акте. В ней сказано, что поджог опять же был «организован виртуозно». В чем же заключается виртуозность? (Словечко-то подобрали, черт их дер!.) Ага, вот и разъяснение – «способ поджога не установлен».

Материалы по Верещагино и Первоуральску оказались ошеломляющими! Оказалось, что и здесь произошли пожары и тоже спустя несколько месяцев после окончания стройки и отбытия А. М. Шееля с места происшествия. Фактом можно было считать, что все предприятия, а также мебельная фабрика, на которых трудился Барон, сгорели подчистую.

Вот тебе и пулеметы!

Сам собой напрашивался вопрос – почему никто не обратил внимание на схожесть сценариев?

Ответ – во-первых, каждый раз поджоги происходили в отсутствие Шееля. Во-вторых, по указаниям из Москвы Барону приходилось участвовать в экспертизах, изучавших причины возгорания в самых различных местах, даже там, где он никогда не работал. Между прочим, в Первоуральске, Верещагино и Свердловске алиби Барона было надежно проверено – оно оказалось безупречным. В Перми ограничились запросом по новому месту работы Шееля. В ответ кратко сообщалось, что, по имеющимся сведениям, Барон никуда не отлучался, однако в справке не было указано, где в тот день находился старик. Тем не менее регулярность возгораний, а также результаты экспертизы, утверждавшей, что имели место «виртуозно организованные» поджоги, наводили на мысль – враг не дремал.

Факты подтверждали это.

Трущев помчался к Федотову, и, описав общую схему происшествий, выразил уверенность в несомненной связи всех этих случаев с деятельностью Шееля, однако, как откровенно признался молодой оперативник, ему так и не удалось крепко схватить Барона за хвост. Уж больно куцый.

– А ты как хотел? – усмехнулся Федотов. – У них, голубчик, дураков не больше, чем у нас. Что ты предлагаешь?

– Немедленно арестовать Шееля!

– Ишь, какой прыткий! – усмехнулся Павел Васильевич. – На каком основании? Где факты? Участие в комиссиях? Или ты считаешь фактом, что Барон работал на всех этих объектах? Я готов согласиться, что в твоих словах есть смысл. Готов согласиться и с тем, что отсутствие улики – это наша недоработка, однако беда в том, что ты слишком узко смотришь на это дело. Правда, это тоже полбеда, – он сделал паузу, снял очки, протер их, вновь водрузил на нос и остро глянул на Трущева. – Беда в том, что Шеель на допросах молчит.

Перехватив изумленный взгляд Трущева, Федотов кивком подтвердил.

– Да-да. В Краснозатонске проявили инициативу и для профилактики изолировали старика. В управлении Ефимова поддержали. На всякий случай! Барона допросили, он ни в чем не признался, и я больше чем уверен, что и не признается. Или ему не в чем признаваться. Знаешь, что вышло из этой инициативы? Областное партийное руководство обратилось в ЦК с предложением – если на старика нет ничего реального, надо дать ему доработать. Без него такой важный объект, как фанерная фабрика, вовремя не ввести в строй. Ты, партиец, как к этому относишься?

– Положительно, – признался Трущев, затем задал вопрос: – А если он исхитрится и попытается сжечь фабрику?

Павел Васильевич поднял указательный палец.

– Во-от! Это и есть момент истины! В чем наша задача? Хватать и не пущать? Нет, Трущев, не этого ждет от нас партия. Наша задача, Николай Михайлович, прежде всего обеспечить социалистическое строительство. Кадры решают все. Как, впрочем, и темпы. Если Шеель враг, он, безусловно, попытается воспользоваться ситуацией. А для того, чтобы ею воспользоваться, он будет землю носом рыть, чтобы доказать свою лояльность, чтобы притупить нашу бдительность. Только в этом случае можно в нужный момент нанести смертельный удар. С этой точки зрения, его арест – это грубейшая ошибка, я уже доложил наверх свое мнение. Наша работа как раз в том и заключается, чтобы предотвратить этот удар. Или укус. Что мы можем на данный момент противопоставить Шеелю? Ничего. У нас нет неопровержимых, убойных фактов.

Пауза, вздох, признание.

– Наркома вызывали в Кремль. Срок – две недели. Либо наркомат представит факты на Шееля, либо кое-кому худо придется, но я сейчас не о возмездии. Наша главная задача – обеспечить ввод предприятия в строй и не допустить никаких пожаров. Ясно, голубчик?

Когда деревянный Трущев приблизился к двери, Федотов его окликнул:

– Подожди, вернись.

Когда Трущев вернулся, Федотов поделился с ним.

– Шееля возят на работу прямо из следственного изолятора. Этот момент меня особенно беспокоит – он вроде бы и под надзором, и в то же время на территории стройки за ним очень трудно уследить. Не этой ли ситуации добивался Барон? Что там по Мессингу?

– Никакой связи. Этот факир, провидец или фокусник, я так толком и не разобрался, живет в Белоруссии, ездит с концертами, помогает организовывать колхозы.

– Хорошо, голубчик.

В этот момент зазвонил телефон. Федотов подошел и взял трубку, затем доложил: «Так точно», – и, положив трубку, сообщил:

– Нарком вызывает.

* * *

Здесь Михалыч предложил сделать перерыв и попить чаю.

Мы сидели на веранде добротного садового домика, последнего в ряду таких же строений, расположенных на территории садового кооператива. За проволочной оградой начиналась березовая роща. Был сентябрь, с деревьев сыпался лист, и присевшее солнце, дробя лучи, заглядывало на веранду – искало себя в отражении бликующего самоварного бока. Близкая тишина, табачный дух, притихший самовар, осевшее солнце – все было пропитано ожиданием слов, в звуках которых оживала родная история, одна на всех. Это ощущение причастности, пронзительной возможности отыскать – во что не верилось, но хотелось верить, – согласие с прошлым, а следовательно, и с будущим, приманивало сильнее, чем любые, пусть даже самые аппетитные материалы, которыми время от времени нас потчуют телевидение и прочие средства массовой информации.

Николай Михайлович принес альбом с тусклыми, пожелтевшими фотографиями. Что можно было разглядеть на этих отметинах истории? Прежде всего в глаза бросилось милое создание в светлом платье. На обороте надпись: «Светочке семь лет». Громадные банты, четкий пробор посреди головы. Затем Света в школьной форме – темное платье, белый фартук, – уже будущая красавица. Внизу дата: «1943 г.»

Николай Михайлович подал голос:

– В первый раз надела школьную форму. Ее как раз только что ввели.

Наконец, девушка-парашютистка. Ее сфотографировали в тот самый момент, когда, приставив ладонь к глазам, броско красивая девушка разглядывала небо. От этой груды фотографий густо пахло временем.

Я вернул снимки.

Николай Михайлович, глядя в сторону разлинованного розовыми облаками края вселенной, поделился:

– Приду домой, Светочка тащит книгу с картинками и показывает пальцами – почитай! Потом на буквы показывает. Я ей объясняю – это «А», а это «Б». Мы с ней за полгода научились по-немому разговаривать.

Николай Михайлович собрал фотографии, сложил их в альбом и закурил. Сигареты он хранил в прекрасно отделанном серебряном портсигаре. Заметив мой взгляд, он передал мне портсигар, чтобы я мог полюбоваться раритетной вещицей.

– Награда, – добавил он. – За добросовестную службу... От самого Палыча.

Портсигар действительно был классный, увесистый, с изящной резьбой на крышке, изображавшей сцену охоты, – охотник вскинул ружье и целится в пролетающих мимо уток. Я пересчитал уток – их было пять, испуганных, готовых метнуться в разные стороны. Ожидание смертельного выстрела было передано точно и впечатляюще.

Я вернул портсигар.

– Берия, как обычно, был краток и груб. Сначала матерно выразился в том смысле, что больше не допустит разгильдяйства. Он спросил, отдаем ли мы себе отчет в политической остроте момента. Затем предупредил: ни партия, ни чекисты не потерпят в своей среде ротозеев. После чего кратко объяснил суть задания. Мне было приказано немедленно лететь в Пермь и выявить нутро этого Шееля.

– Вам, Трущев, будут даны все полномочия! – предупредил Лаврентий Павлович. – От вас, Трущев, ждут результат.

Вот и весь разговор.

Вернувшись в свой кабинет, Федотов разъяснил, что мне будет предоставлен самолет и чтобы не позже завтрашнего дня я был в Перми и не позже завтрашнего вечера доложил о том, что сделано.

Предваряя мой вопрос, Николай Михайлович спросил:

– Почему именно Пермь? – и сам ответил на него: – Начать с Перми, как и отправить меня в командировку таким экзотическим способом, предложил Федотов. Это Павел Васильевич дал направление поиску. Он же подсказал, где следует искать улики, при этом кратко пояснил свою мысль – хуже всего следствие было проведено в Перми, следовательно, там должно быть больше всего зацепок. Ищи, голубчик! Докладывать будешь два раза в сутки – до десяти ноль-ноль и после двадцати трех ноль-ноль.

Выходит, Федотов успел за ночь просмотреть все прежние дела о поджогах?..

Мы еще раз обсудили порядок действий. На прощание Федотов неожиданно обратил мое внимание, что судьба наградила меня малым ростом, следовательно, я имею важное преимущество в оперативной работе.

– Сначала к коротышкам относятся несерьезно, – поделился он собственным опытом. – Но если такой мальчик-с-пальчик сумеет дать отпор и показать зубы, его будут остерегаться куда сильнее, чем какого-нибудь громилу. Воспользуйтесь этим преимуществом, голубчик.

Глава 3

Николай Михайлович погрузился в воспоминания.

– Это было удивительное путешествие. Мне впервые посчастливилось летать по небу. Не скрою, сначала была опаска, но мне страсть как хотелось сказку сделать былью. Самолет, на котором я должен был отправиться в далекие края, был неказистый – учебный У-2, однако ждавший меня летчик оказался опытным пилотом. Я человек без суеверий, но и меня взяла оторопь, когда услышал его фамилию – Поджигайло. Не иначе, это был знак свыше. Оглядев меня, доставленного на эмке на Центральный аэродром, он сделал настораживающий, я бы сказал, подозрительный, вывод – «не жалеет ваше начальство молодых сотрудников». Я попытался добиться ответа, откуда такое неверие в руководство НКВД, однако Поджигайло не обратил на мои вопросы никакого внимания – отмахнулся и пригласил в подсобку. Там приказал снять шинель, затем подобрал ватные штаны, полушубок и летный шлем – все это позаимствовал у своих друзей-пилотов. Заставил все это примерить, затем приказал плотно застегнуть ремешки. Перед тем как занять место в кабине, предупредил – в кабине не дурить и не пачкать. Также запрещалось петь, обращаться с идиотскими просьбами – например, можно ли курить в полете, – а в случае воздушной ямы «даже не пытайся вылезти из кабины, а то я тебя сам выброшу».

Эти распоряжения вовсе не были пустыми словами, а за то, что Поджигайло позаботился одеть меня в теплое, я вовек буду благодарен ему.

Было начало весны, и холодрыга на высоте оказалась зверская!

Насчет движения в воздушном пространстве, могу отметить: это чудо. Мне хотелось петь, но помня приказ Поджигайло – «не дурить!», я не отважился нарушить его.

Более возвышенного наслаждения я в своей жизни не испытывал, хотя в первые минуты полета мне то и дело становилось жутко, особенно когда машина вдруг проваливалась вниз и желудок подступал к горлу. Спасала мысль, что, вопреки мнению Поджигайло, с которым попозже следует основательно разобраться, мне повезло с начальником. Оказывается, Федотов сам допер, где искать факты. Это резко добавляло энтузиазма. В полете я испытал незабываемый восторг – враг решил сжечь наши лесопилки!? Так не бывать этому!

Эй, комроты, даешь пулеметы!..

Мы вылетели ночью. Наша советская земля сверху выглядела пустыней, через которую очень редко пробивались редкие огоньки. К утру прибыли в Ижевск, там дозаправились, Поджигайло передал спецпочту, и снова в небо. В Пермь¹⁰ прилетели под вечер, и, если бы не воспитанная с детства привычка исполнять приказания, я бы не решился настаивать на связи с Москвой.

О чем было докладывать? О радостях полета? О том, что на прямой вопрос: почему Поджигайло считает, что мое начальство не жалеет сотрудников, – тот дал странный, я бы сказал, подозрительный, ответ: «Потому что ночной полет не время для полетов».

На прощание летчик похвалил меня.

– А ты, Трущев, молодец. Хорошо, что кабину не облевал!..

От такого рода похвалы мне стало не по себе. Я даже Тане никогда не рассказывал о первом полете. Тебе первому.

Ладно, проехали...

Федотов оказался прав и в том смысле, что начальник местного управления НКВД при виде посланца из Москвы особой радости не испытал. Чем бы ни закончилась моя миссия, но

---

¹⁰ Этому древнему городу еще с полгода оставалось называться своим исконным именем. В 1940 году его переименовали в Молотов, каким он и оставался до 1957 года.

если я что-нибудь раскопаю, ему по-любому могло влететь за поверхностно проведенное расследование, пусть даже проведено оно было при прежнем начальнике управления, у которого он был заместителем.

Глянув на меня, он, по-видимому, решил, что такого коротышки опасаться нечего, и сразу начал настаивать, чтобы к расследованию подключились его люди. Я отказался и попросил связать меня с Москвой. Старший майор попер на меня – о чем докладывать, поработай сначала под руководством моего зама по контрразведке, тогда и доложишь! Пришлось настоять на своем – настоять решительно, чего местный начальник никак не ожидал от недомерка с петлицами младшего лейтенанта.

При телефонном разговоре с Федотовым он не присутствовал, но, полагаю, ему сразу донесли – московский гость сообщил своему начальнику, что встретили его в высшей степени гостеприимно (что было враньем), местные товарищи пообещали помогать во всем, что требуется для выполнения задания Берии (чтобы защитить свои задницы). Услышав о Палыче, старший майор сразу сменил тон, и мы втроем, включая его заместителя, невзирая на позднее время, засели за разработку плана мероприятий.

Я до сих пор поражаюсь чутью Федотова, отправившего меня именно в Пермь, а не в Свердловск или, скажем, в Краснозатонск, где, казалось бы, происходили главные события. Это был гений контрразведки. В то время других и не держали.

Что касается профессионализма...

В Перми я впервые столкнулся с присущим работникам на местах дремучим непониманием методов работы спецслужб, в первую очередь, на фронте борьбы со шпионажем. Местные чекисты мало того, что действовали неповоротливо, – хуже, что, осуществляя оперативные мероприятия, они до сих пор вдохновлялись призывами прежнего наркома: «ищи врагов чутьем», «подозреваемых немедленно в «ежовые рукавицы». Одним словом, «не умением, а числом». В этом я убедился, когда в половине пятого утра – за окном еще была тьма-тьмущая! – мне доставили первого свидетеля из тех, кто проходил по делу о поджоге.

Задержанный Фельдман держался с достоинством, но было видно, что мысли его крутились где-то очень далеко от существа нашего разговора. Как ни старался, он не смог припомнить ничего интересного и постоянно заверял «гражданина следователя», что мало что знает, а если бы что-то знал, сразу бы доложил начальству. Да, он первым поднял тревогу. Да, активно участвовал в тушении пожара. Да, не снимает с себя вину за ротозейство, но.

– Помилуйте, я же сразу примчался на лесопилку. Это могут подтвердить все, кто участвовал в тушении пожара. Гражданин начальник, – Фельдман прижал руки к груди, – я поднял всех, но в чем моя вина, если Маша Еремина в ту ночь была отвезена в роддом, где и родила мальчика весом четыре килограмма двести граммов?! По этой причине она никак не могла участвовать в организации поджога.

Я уставился на него, как на умалишенного. Мы вот так (Трущев изобразил такого лопуха, что я не удержался от улыбки), как сейчас, сидели и пилились друг на друга. В этот момент зазвонил внутренний телефон – привезли следующего по списку, сторожа Берендеева, дежурившего в ту ночь, когда сгорела лесопилка. Куда его?..

Я попросил дежурного поместить Фельдмана в свободную комнату и приказал доставить Берендеева.

Этого и спрашивать ни о чем не надо было. Услышав о пожаре, он с готовностью предложил свои услуги и с неожиданным слезливым остервенением покаялся, что у него все внутри закипает, когда он видит, сколько еще троцкистов и двурушников прячется по темным углам. Они не брезгают даже пивной, куда Берендеев часто заходит с «наблюдательными целями».

Что он может сказать насчет пивной?

Берендеев наклонился ко мне, как бы устанавливая более доверительные отношения со следствием, и, цыкнув зубом, доложил:

– Гражданин следователь, в пивной на улице Карла Маркса... – он, привлекая мое внимание к названию улицы, поднял указательный палец, – разбавляют пиво!

Затем многозначительно подмигнул, словно я должен был сам догадаться, чем грозит власти рабочих и крестьян такого рода вредительство.

– Я докладывал в инстанции, но там не реагируют...

Еще один намек с подмаргиванием – мол, сам догадайся, где прячутся недобитые троцкисты и двурушники. Затем Берендеев начал закладывать всех подряд – и тех, кто принимал участие в тушении, и тех, кто не принимал. Последние, по смыслу его рассуждений, как раз и являлись поджигателями, особенно эта блядь, Машка Еремина, которая замаскировалась в роддоме. А ведь общественности до сих пор неизвестно, кто является отцом ребенка.

Если кому-то эти бредни покажутся юмором и сатирой, вроде «нарочно не придумаешь», – он ошибается. В словесном поносе, который буквально хлестал из Берендеева, отчетливо слышался истошный, беззвучный вопль перепуганного насмерть человека. Стоило мне упомянуть ту или иную фамилию, как он уже был готов выложить всю подноготную этого при- смиренца или пособника.

Я растерялся. Я не знал, что делать. Как достучаться до сознательной деятельности их ума, до верности идеалам, до патриотизма, наконец?

Третьего ввели в кабинет на рассвете, он явился с узелком в руках. Губы у Крузенштерна Аскольда Петровича подрагивали. Приглашенный сесть, он сразу заявил, что ни в чем не виноват, потом, внезапно осмелев – или обнаглев, поинтересовался, сколько ему светит и что он должен сделать, чтобы уменьшить срок.

– Вы, собственно, о чем ведете речь? – спросил Трущев.

– О заслуженном наказании, – трагически вымолвил Крузенштерн и торопливо добавил: – Но я ни в чем не виноват!

– Вы, вероятно, не поняли – никто вас не арестовывал. Вас просто пригласили на беседу.

– И я о том же! – горячо подхватил Аскольд Петрович.

В следующий момент меня буквально обожгла волна страха, которая хлестала из недр этого обезумевшего человека, который в тот момент более всего переживал о собственных детях. Как им придется без отца, если органы возьмут также и мать?

Я не выдержал и пристукнул ладонью по столу.

– Прекратить!

Позже я научился так лупить по столу металлической линейкой, что кое-кто из подследственных не без потери сознания валился на пол, но в тот момент я буквально растерялся. Что делать? Как выявить истину? Через пару часов у меня связь с Москвой. Что я буду докладывать?

Крузенштерн, притихший и обмякший, сидел тихо – руки на коленях, в глазах страх и отчетливое желание рассказать все, что знает. Ни следа дерзости или попыток обмануть следствие.

– Скажите, Аскольд Петрович, – начал я, – какое отношение к вам имеет Иван Федорович Крузенштерн?

– Что?! – встрепенулся Аскольд Петрович.

Среагировав на имя и отчество, он сразу съезжился, обмяк и, как бы о чем-то догадавшись, с некоторой грустью подтвердил:

– Это мой прапрадед по отцовской линии. Он – единственный адмирал в нашей семье, но это было давно, в девятнадцатом веке. Мой дед, мой отец и я сам всегда верили и верим в мировую революцию.

– При чем здесь мировая революция?! Я веду речь о великом патриоте, заслужившем благодарность всего прогрессивного человечества за открытие Антарктиды. Ведь это ваш прапрадед открыл Антарктиду?

Задержанный кивнул.

Я спросил:

– Зачем вам узелок?

– Но как же?..

– Вас никто не арестовывал. И не собирался арестовывать!

Он против воли усмехнулся, и эта усмешка натолкнула меня на мысль.

Я целенаправленно повел атаку.

– Повторяю, вас никто не арестовывал и не собирался арестовывать. Вас пригласили на беседу, и если вы не готовы к разговору, можете вернуться домой. Когда за вами пришли, вы чем занимались?

Крузенштерн крупно, сухо сглотнул.

– Спал... умывался... зубы чистил.

– Вот возвращайтесь и дочистите зубы, затем доешьте свой завтрак и отправляйтесь на работу. У меня единственная просьба – не надо никому рассказывать о нашем разговоре. Даже самым близким людям.

Еще один судорожный глоток.

– Так, значит, я не арестован?

– Нет.

– Тогда, гражданин следователь, зачем я здесь? Да еще в такую рань?..

Я объяснил, что меня в деталях интересует все, что произошло на предприятии до пожара, во время тушения пожара и после, и что он сам думает по этому поводу.

– А теперь можете возвращаться домой.

С тем и отпустил.

У порога, отшатнувшись от вошедшего конвойного, – кобура у него была многообещающе расстегнута, – Крузенштерн поинтересовался:

– И это все?

Я кивнул.

– Я понимаю, – оживился Аскольд Петрович. – Я очень хорошо понимаю ваш интерес, но мне трудно вспомнить. Хотя вспоминать... – он болезненно поморщился, – не хотелось бы.

– Аскольд Петрович, в этом деле выявились некоторые странности, которые нам надо обязательно прояснить. И срочно!

– Если вы полагаете, что я капризный мальчишка и не понимаю, что ваш интерес не мог возникнуть на пустом месте, вы ошибаетесь. Поймите, мне нельзя сейчас возвращаться домой! Если вы или ваши товарищи еще раз вот так, на рассвете, пригласят меня на беседу, боюсь, у жены сердце не выдержит. У нее большое сердце.

Он решительно вернулся, сел на стул и заявил:

– Спрашивайте!

Я отослал конвойного.

Мне повезло с Крузенштерном. Аскольд Петрович оказался достойным своего знаменитого предка, в трудных условиях кругосветного путешествия не проморгавшего туманные берега Антарктиды. Это был внимательный и соображающий свидетель. Прежде всего, с его помощью я составил поминутную хронологию возгорания.

Понятно, что я ни словом не обмолвился о направленности моего интереса, однако Крузенштерну хватило соображалки учуять, откуда ветер дует. И, как оказалось, этот вопрос тоже интересовал его. Ему было крайне важно – он сам признался в этом – докопаться до истины, так как только в этом случае с него будут сняты всякие подозрения и он сможет жить в покое. Относительно, конечно. Но в том положении, в котором он оказался, ему несдобровать. Рано или поздно за ним придут – «это было ясно как день», заявил он. Любой сбой, любая поломка, любой срыв производственного задания может стоить ему жизни.

Это была суровая истина. Я был обязан учитывать ее.

Крузенштерн был убежден, что поджог воистину был виртуозно организован. Его уверенность основывалась на том, что возгорание возникло внезапно и с такой силой, что, скорее всего, кто-то очень постарался, чтобы огонь возник в нужное время в нужном месте. Насчет этого «кого-то» его мнение сводилось к тому, что только двум-трем сотрудникам, имевшим полномочия появляться на объекте в любое время и устраивать проверки, хватило бы знаний и умения спланировать поджог заранее. Представлял загадку сам метод поджога. Как изобретателя и руководителя группы рационализаторов его очень интересовала техническая сторона вопроса. (Именно этот интерес оказался решающим доводом для привлечения его к ответственности.) В вину пьяницы Иванова он не верил – кишка тонка.

Бомба? Вряд ли, был бы взрыв. Использование жидких горючих материалов? Сомнительно. Их не спрячешь, с ними много возни, к тому же это не объясняет такую длительную задержку во времени, на какую «вы, гражданин следователь, негласно намекнули».

Я поправил его – товарищ следователь.

Потомок великого адмирала несколько секунд пережевывал эту невероятную новость. У него сразу прибавилось и жара, и логики.

В ту ночь дежурили два сторожа – Берендеев, стоявший на проходной, и Новожилов, совершавший обход территории. Новожилов поднял тревогу и, по словам Берендеева, первым бросился тушить быстро распространявшееся пламя. Застигнутый огнем, он не сумел спастись. Возле его обгоревших останков нашли изуродованный баллон огнетушителя.

Я вновь вызвал Берендеева. Строго предупрежденный о наказании за дачу ложных показаний, он в целом подтвердил показания Крузенштерна. Затем я приказал увести Берендеева и доставить Фельдмана. Доставленный Фельдман сделал важное уточнение – огонь, вначале слабый, затем вдруг разгулялся с такой невероятной силой, что спасти лесопилку оказалось невозможно. Более того, он поставил под сомнение утверждение Крузенштерна о том, что взрывное устройство можно исключить. Свою точку зрения он подтвердил тем, что взрывные устройства бывают разные. Например, существуют такие, с помощью которых можно разбрызгать горючую смесь. В этом случае хлопок услышать практически невозможно. К тому же Берендеев признался, что слышал что-то подобное, будто кто-то сильно ударил лопатой по гуде опилок. Сторож решил, что это Новожилов, а что было на самом деле, Создатель знает.

Фельдман, упомянув о Создателе, осекся и испуганно уставился на меня – не припишу ли я ему религиозную пропаганду? Я сделал вид, что не услышал его в его призыве контрреволюционных намеков...

Далее Трущев предупредил меня, своего соавтора, – все дело в воспитательной работе. Если вы, молодые, будете плохо вести воспитательную работу...

И прочее, прочее, прочее!

Его понесло.

Мне не сразу удалось вернуть его к сути происходившего в следственном изоляторе Пермского УНКВД.

Призванный к продолжению рассказа – или отчета, как хотите, – он включил свет на веранде, затем, вернувшись за стол, удивился.

– При чем здесь изолятор?! Утром вместе с Фельдманом и Крузенштерном я отправился на объект. Пока знакомился с территорией отстроенной заново лесопилки, туда примчались директор и главный инженер. В результате мне удалось отыскать массу свидетельств правильности показаний начальника техотдела Крузенштерна и заведующего производством Фельдмана.

Однако причина пожара по-прежнему ускользала от меня. Все специалисты в один голос предполагали обширное и мощное разбрызгивание горючей смеси, но как, каким образом – подсказать не могли.

Свет во тьме мелькнул, когда я просмотрел оперативные материалы. Оказывается, спустя несколько дней после отъезда комиссии найденный рядом с погибшим Новожиловым огнетушитель, вернее, то, что от него осталось, был отправлен на экспертизу. Специалисты из Москвы не исключили возможность, что в этот огнетушитель была залита горючая жидкость, скорее всего, бензин. В Пермском управлении не стали поднимать шум, потому что никто не хотел брать на себя ответственность за халатность при обыске на предприятии. Этот предмет внесли в список вещественных доказательств и о нем забыли. Еще большей удачей можно считать, что в одной из папок я отыскал сообщение о том, что во время оперативных мероприятий удалось отыскать свидетеля, который в ту роковую ночь видел возле лесопилки неизвестного человека.

Это открытие потянуло за собой цепочку неопровержимых фактов.

Свидетель оказался путевым обходчиком на железной дороге, проходившей в полусотне метров от лесопилки. Он утверждал, что за полчаса до возгорания приметил фигуру, спрыгнувшую со сбросившего скорость товарняка и двинувшуюся в сторону лесопилки. Идентифицировать этого человека обходчик не смог.

На всякий случай я предъявил свидетелю снимок Барона. Тот повертел фотографию и пожал плечами.

– Не-е, это мне уже показывали. Это не Шеель, я его знаю. Спрыгнувший был с усами.

Я не дал волю победным чувствам. Не торопясь отыскал в портфеле хорошо увеличенный и подретушированный портрет барона Шееля Альфреда-Еско Максимилиана. Он был изображен на субботнике, вид довольный, под носом усики.

Обходчик сконфузился, затем неловко кивнул:

– Он!

Итак, ночью, за несколько минут до начала пожара Альфреда Максимилиановича видели возле места происшествия. Спрыгнув с товарняка, он направился в сторону лесопилки.

Время было позднее, но я тотчас отбил донесение Федотову с кратким отчетом о результатах проделанной работы и предложением немедленно изолировать Шееля, а также проверить все огнетушители на фанерной фабрике в Краснозатонске.

Ответ пришел утром следующего дня.

«Немедленно вылетайте Краснозатонск. Федотов».

* * *

Кудасов лично встретил Трущева на обширном выпасе неподалеку от города. Для середины апреля в тех местах стояла на удивление жаркая погода. Снег уже сошел, поднялась трава, сбегавшиеся на поле местные мальчишки разогнали коров, так что Поджигайло, совершив круг над городом, приземлился героически, без помех. Кудасов, с трудом пробившийся через толпу, собравшуюся поглазеть на первый приземлившийся в этих местах аэроплан, по пути в райотдел, лавируя по непролазной грязи, рассказал:

– Ориентировка из управления пришла под утро. Меня в городе не было, выезжал в район, так что дежурный разбудил Ефимова. Тот не нашел ничего лучше, как в четыре часа утра вызвать Шееля на допрос из камеры. Усек? Начал стращать старика «фактом огнетушителя», потребовал – «признавайся, враг, тебе же лучше будет». Барон спросонья только плечами пожал и заявил, что никакого отношения «ко всякого рода огнетушителям» не имеет и в свою очередь потребовал объяснений – он не понимает, по какой причине у Ефимова «накопился багаж несправедливого отношения к живому человеку?». Он, Шеель, свою историческую миссию выполняет честно и на пределе сознательности. Он предупредил, что партия непременно узнает, до чего довели его бездумно бюрократическое отношение к честному специалисту и желание выслужиться перед начальством.

Ефимов сдрейфил. Он вообще, Трущев, из тех людей, которым только стоит услышать призыв к мировой революции, как они тут же вскакивают, будто желают быть политическим сигналом для всех пролетариев мира, но стоит рядом просвистеть пуле, и его днем с огнем не сыщешь. Однако пролетарии пролетариями, а приказа задержать Шееля не поступало. К тому же после недавнего Пленума ЦК, указавшего на необходимость уважительного отношения к спецам, еще неизвестно как в управлении посмотрят на его инициативу. Он, дурак, отправил Шееля под надзором конвойных на стройку. В цеху Барон попросился в туалет – и поминай как звали. Усек? Сейчас комиссия разбирается с Ефимовым. Его поместили в изолятор, там он строчит объяснительную за объяснительной. Ты пойми, Трущев, я не злорадствую. Дело в том, что во время проверки в одном из огнетушителей действительно обнаружили бензин, а Шееля нет. С кого теперь спрашивать?

На крыльце бревенчатой избы, в которой размещался райотдел, Кудасов вкратце объяснил виртуозность вредительского замысла:

– Этот тип огнетушителя устроен следующим образом – к цилиндрической емкости с жидкостью приделывается маленький баллончик со сжатым газом. При включении сжатый воздух должен выдавливать воду, а в этом случае он бы выдавил бензин. Неизбежно взрывное воспламенение, человек, схвативший огнетушитель, сторел бы на месте. Вот тут-то и возникает вопрос – были у Шееля сообщники? Или сообщник, которого Барон решил использовать втемную? Задумка отличная – кто-то устраивает очаг возгорания, например, тот же Шеель или его парнишка, а его сообщник хватается назначенный заранее огнетушитель и открывает затвор.

Он тщательно, о прибитую скобу у крыльца райотдела, стер с подошв налипшую грязь и с сожалением добавил:

– Усек, Трущев?

Глава 4

Скрывался Шеель недолго, взяли его в первых числах мая на Дальнем Востоке и тут же доставили в Москву.

Сначала свою причастность к шпионской деятельности Барон отвергал напрочь. На допросах держался с каким-то надменным пренебрежением к собственной участи и подтверждал только те факты, которые были установлены следствием, и то в какой-то иронично-приблизительной форме.

«Свидетели утверждают, что видели, как вы во время проверки сняли со стены один из огнетушителей и отнесли в свой кабинет. Вы подтверждаете этот факт?»

«Если утверждают, значит, так оно и было».

«По какой причине вы совершили побег?»

«Испугался».

«Кто помог вам раздобыть подлинные документы?»

«Нашел на вокзале».

«Где скрывается ваш сын, Алексей Шеель?»

«Понятия не имею. Я не видал его с момента встречи с моим бывшим другом, а ныне классовым врагом Людвигом фон Майендорфом. Мы крупно повздорили и окончательно прервали друг с другом всякие отношения».

«В чем причина разрыва?»

«Это наше семейное дело. К победе социализма в мировом масштабе оно не имеет никакого отношения. Кстати, мне были даны гарантии, что после встречи с этим фашиствующим субъектом Майендорфом меня не подвергнут репрессиям».

«Это не репрессия, а задержание в связи с обнаружившимися фактами вашей шпионской деятельности».

«Какими фактами?»

«Вот заключение экспертизы о подготовленном вами зажигательном устройстве в форме заправленного бензином огнетушителя. Вот свидетельство путевого обходчика, видевшего вас в ночь пожара на объекте в Верещагино».

«Никакого отношения к испорченному огнетушителю не имею, а свидетельство обходчика – подлог. Или он был пьян и обознался. Я в это время находился в Краснозатонске».

«Свидетельница Бестужева утверждает, что видела вас в Свердловске».

«Вы доверяете показаниям полубезумной старухи? Она ошибается».

И так далее.

Познакомившись с протоколами, а также поприсутствовав на допросах, Федотов в беседе с Трущевым предположил:

– Послушайте, голубчик! Вам не кажется, что он тянет время, чтобы прикрыть мальчишку? Эта тема для него наиболее остра. Стоит завести разговор о сыне, как подозреваемый сразу напрягается. Займитесь-ка, голубчик, поиском молодого Шееля. Ищите да поторапливайтесь.

Затем Федотов добавил:

– Кстати, у меня для вас есть особое задание. Отправитесь в Минск и доставите в Москву одного типа. Его фамилия Мессинг, помните такого? Зовут Вольф Григорьевич. Это по-нашему, как по-еврейски, не знаю. Вас трое, вы старший, вести себя вежливо и доброжелательно. Товарищ Мессинг опытный революционный боец. К тому же, по непроверенным данным, он способен опознавать чужие мысли. Так, по крайней мере, утверждают свидетели.

При первой встрече Мессинг не произвел на меня впечатления. Это был невысокого роста сорокалетний мужчина с торчащими во все стороны выющимися волосами. В самолете

вел себя смирно, видно было, что этот заезжий гастролер, с одной стороны, был готов ко всяким испытаниям, которые ждали его на советской земле, а с другой – ужасно страшился той самой минуты, когда эти испытания начнут ворохом сыпаться на него. Когда двое моих подчиненных подхватили его под мышки и подсобили взобраться в СБ, его буквально перекосило. Так и сидел весь полет с перекошенным личиком. Время от времени поглядывал на нас, пытаясь, по-видимому, опознать наши мысли. Если ему это удалось, то ничего, кроме восхищения могучим советским скоростным бомбардировщиком – «неплохо потрудились на пролетариат буржуазные спецы», – обсуждения волнующей темы «самолет – лучший оратор летчика» и одобрения смычки рабочего класса с колхозным крестьянством, ему не досталось. Нам было строго-настрого запрещено даже мысленно касаться служебных дел и причин, по которым этого странного человека везут в Москву. В столице мы сдали Мессинга спецуполномоченному из отдела охраны правительства, тот пригласил его в машину, и автомобиль, не медля ни минуты, покинул Центральный аэродром.

Кое-какие фактики подсказали, что его повезли прямо к хозяину на Ближнюю дачу.

Вторая встреча случилась уже в Москве, в кабинете Берии, куда меня вызвали прямо от Федотова, который ввел меня в курс дела.

– Небезызвестный вам Мессинг, появившись в Москве, сумел заинтересовать кое-кого из руководства страны. Он оказался не так прост, каким казался издали. У него богатая биография, он встречался со многими людьми, в том числе и из верхушки нацистской партии, и согласился поделиться увиденным с компетентными органами. Твоя задача доставить его на конспиративную квартиру, и пусть он там напишет все, что знает о Гитлере и прочих высокопоставленных фашистах.

Я вошел в кабинет наркома, представился. Мы с Мессингом пожали друг другу руки, затем договорились, что я заеду за ним в гостиницу «Москва» не ранее половины десятого утра, после чего вышел из кабинета.

Вернувшись на рабочее место, я приступил к заданию, которое получил от старшего начальника. Тот приказал – ищи гаденыша!

Легко сказать – ищи!

Поближе познакомившись – пусть даже по документам – с этим любителем межпланетных полетов, у меня сложилось впечатление, что мы имеем дело с человеком без тени и потому практически невидимым. Он был насквозь прозрачен – никаких темных пятен! Материалы дела подсказывали – это был на редкость опасный субъект. Он настолько ловко маскировался под советского гражданина, что ни у кого из знавших его школьных друзей и студенческих товарищей не возникало сомнений в его незамутненной приверженности коммунистическому идеалу. Врагов у него не было, отрицательных моментов, например нездоровой тяги к женскому полу, к азартным играм или другим порокам, тоже. Он ничего не скрывал – ни происхождения, ни увлечения межпланетными перелетами, ни желания внести достойный вклад в строительство светлого будущего. К приспособленцам, присмиренцам, не говоря уже о скрытых недобитках из троцкистской оппозиции, относился резко отрицательно. В обращении был прост и дружелюбен. Все, кто знал Алекса, или Алексея Шееля, отмечали его редкие математические способности.

Попробуй отыщи такого!..

То ли дело надзор за Мессингом, которого я привез в Лялин переулок.

* * *

Теперь самое время предупредить – далее по тексту будут приводиться некоторые закрытые сведения, которые и по сегодняшний день не подлежат разглашению. По требованию Николая Михайловича подаваться они будут в форме рассказов «очевидцев», ссылок на несую-

ствующих должностных лиц, на несуществующие номера следственных дел, а также с привлечением фантастических небылиц, на которые серьезные люди и внимания не обращают. Пояснения будут даваться лишь в редчайших случаях.

Свою позицию Николай Михайлович объяснил тем, что ему (как, впрочем, и автору) не раз приходилось давать соответствующие подписки о неразглашении, так что теперь, даже на пенсии, оказавшись гражданином другого государства, Николай Михайлович не в силах вот так запросто сбросить с себя груз ответственности. Составив воспоминания, он посоветовался насчет их содержания с инстанцией. Там в целом одобрили замысел, точнее, выразились так: «запретить не можем, но есть пожелание соблюдать некоторые условия». Ему предложили предупредить меня как соавтора, что для подтверждения того или иного случая или обстоятельства мне не возбраняется намекать на след, ведущий к тайне. Приемлемы также ссылки на сведения, приводимые в документальных книгах, вышедших за последние десять-пятнадцать лет. Среди них есть и серьезные работы, скрывающие за той же маской сенсационности и откровенных подстав детали подлинных событий тех лет. А вот о том, что не подлежало оглашению, Николай Михайлович посоветовал «не щадить фантазию»! Пусть тот или иной случай выглядит совершенной фантастикой. «Чтобы читатели животики понадрывали от смеха», – предупредил он. Это, конечно, обидное условие – какому автору хочется, чтобы над его страницами покатывались, но взялся за гуж... Трущев успокоил меня – если же кто-то не обхочется, с ним поговорят отдельно, у прокурора. Заставят вспомнить о долге, о патриотизме...

Николай Михайлович решительно потребовал, чтобы в текст романа было внесено четкое и не допускающее кривотолков предупреждение, обращенное к читателям, – не суйте нос, куда не просят. Отрежут и могут забыть прилепить новый.

Прочитали – забудьте, а еще лучше эти страницы до прочтения сжечь.

Если такого предупреждения недостаточно и какой-нибудь уважаемый читатель рискнет лично проверить эти сведения, в этом случае вся ответственность ложится на него.

* * *

На следующее утро Трущев привез Мессинга в тихий и малолюдный Лялин переулок, расположенный неподалеку от Курского вокзала. Они поднялись на четвертый этаж. Жилплощадь – трехкомнатная, прилично обставленная дореволюционная квартира – была просторна, хорошо проветривалась. Здесь хранился полный комплект свежайшего постельного белья и дефицитных продуктов. Одним словом, это уютное гнездышко было отлично подготовлено к встречам с внештатными интеллигентными сотрудниками. Или сотрудниками от интеллигенции. Здесь также нередко проходила вербовка лиц, оказавшихся причастными к противоправной деятельности, направленной против нашего государства.

Николай Михайлович угостил гостя замечательным вином. Как утверждал генерал Рясной¹¹, это было любимое сталинское. Вино было действительно на редкость вкусное, терпкое и сладкое.

Пригубив, Вольф Григорьевич завел разговор о том, что термин «опознавание мыслей на расстоянии», который предложил Берия и который ему пришлось бы использовать в отчете, не в полной мере отражает способности, которыми природа наградила его, Мессинга.

---

¹¹ Рясной В. С. (1904–1995) – генерал-лейтенант. В органах государственной безопасности с 1937 года. В 1941–1943 годах возглавлял Управление НКВД Горьковской области. С 1943 года являлся наркомом внутренних дел Украины. В 1946 году назначен заместителем наркома внутренних дел Советского Союза, курировал подразделения по борьбе с бандитизмом и шпионажем, строительство крупнейших гидротехнических сооружений (Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская ГЭС и др.). С февраля 1952 года – заместитель министра госбезопасности. В 1953 году руководил внешней разведкой. В 1953–1956 годах возглавлял Управление МВД по городу Москве и Московской области. 5 июля 1956 года уволен из органов МВД.

– Я не опознаю мысли, – принялся доказывать медиум. – Они как бы невзначай, сами по себе всплывают у меня в сознании. Это, скорее, случайность, удача.

– Давайте назовем эту способность «угадыванием», – предложил Трущев.

Этот вариант вызвал бурный восторг у подопечного. Затем Мессинг робко поинтересовался – нельзя ли вообще обойти эту тему насчет «угадывания», «опознавания»?

Трущев развел руками – как же ее можно обойти, если начальство настаивает на точности в использовании терминологии?

– Что да, то да! – согласился Мессинг и остро глянул на Трущева.

После короткой паузы он выговорил:

– А ведь вы мне не верите, Николай Михайлович?

– Что да, то да, – согласился младший лейтенант, и они оба рассмеялись.

Трущев обеспечил Вольфа Григорьевича бумагой и письменными принадлежностями, а сам удалился на кухню готовить обед.

Во время приема пищи поболтали о том о сем. После обеда Мессинг продолжил составлять отчет о годах, проведенных в Германии, об участии в Эйсlebenском восстании двадцать третьего года.

* * *

Николай Михайлович откровенно признался:

– Я писанину Вольфа Григорьевича не читал. Признаться, я действительно не вполне доверял ему. Меня смущали слухи, которые сопровождали этого невзрачного, со включенными волосами экстрасенса. Чем этот странный человечек со всеми его удивительными способностями мог помочь в поисках молодого Шееля, если учесть, что мне было строго-настрого запрещено посвящать этого субъекта в служебные дела?

Здесь я попытался вставить словцо, однако Трущев коротко и однозначно рявкнул:

– Не перебивать!

Затем, уже спокойней и деликатней, добавил:

– Речь идет о том, чтобы в присутствии своего подручного я даже подумать не смел о своих служебных обязанностях. Лаврентий Палыч лично предупредил – в присутствии этого «лопоухого прорицателя» держать «мисли за зубами». С этой целью нарком отослал меня к капитану Пугачеву, замначальника девятого спецотделения.

Пугачев кратко ввел меня в курс дела.

– Лучший способ скрыть свои мысли от опознавания – это напевать про себя что-нибудь прилипчивое, комсомольское, желательно на оборонную тематику. Например, такую. Слышал, наверное, – и он с ходу завел:

*В путь-дорожку дальнюю я тебя отправлю,
Упадет на яблоню спелый цвет зари.
Подари мне, сокол, на прощанье саблю,
Вместе с острой саблей пику подари¹².*

– Вполне подходящая песня. По секрету, Трущев, она была написана специально по заказу нашего отдела. Убедись, смысла никакого! Любой гипнотизер голову сломает, прежде чем поймет, зачем глупой бабе сабля и острая пика. Чем ее сокол воевать будет? Второй куплет еще хлеще.

---

¹² Песня 1936 года «В путь-дорожку дальнюю». Музыка Матвея Блантера, слова Сергея Острового.

*Я на кончик пики повяжусь платочек,
На твои на синие погляжусь глаза.*

В этом месте Трущев подхватил, и они вместе допели:

*Как взмахнет платочек, я всплакну чуточек,
По дареной сабле побежит слеза.*

Закончив с пением, Пугачев продолжил инструктаж:

– Неплохо также сосредоточиться на решении математической или шахматной задачи. Но это только в том случае, если ты увлекаешься математикой или шахматами. Если нет – поспевай женские прелести. Этот прием здорово помогает наглухо прикрыть планы разрабатываемых секретных операций. По себе знаю.

Подобная методика показалась Трущеву малоэффективной, хотя никого он так не любил, как свою Татьяну. В те дни его более всего волновала Светочка, поэтому в мыслях он остановился на поисках такого кудесника и колдуна, который смог бы вернуть ей способность говорить.

– Что касается колдунов, – внес уточнение Трущев, – берусь подтвердить, что в начале 20-х годов в Коминтерне была организована особая секция, в которую собирали людей с неординарными способностями и где изучали способы ведения классовой борьбы в потустороннем измерении. Этими вопросами, например, занимался бывший руководитель ленинградских чекистов, небезызвестный Глеб Бокий¹³.

Помимо создания собственных и расшифровки вражеских шифров, Бокий интересовался всякими потусторонними силами, и кое-кто из секретной коминтерновской секции перебрался к нему под крыло. Насколько мне известно, Бокия как раз расстреляли за развал работы на этом направлении. Большевик с подпольным стажем, опытный чекист, чьим именем был назван пароход, свозивший осужденных на Соловки, вдруг забросил работу по овладению человеческой психикой и ударился в масонство и откровенно чуждые пролетариату и воинствующему материализму восточные культы, а также занялся организацией подпольного мистического общества «Единое трудовое братство».

Тем не менее после гибели Бокия кое-какой мистический опыт у нас на Лубянке сумели сохранить.

Два дня Николай Михайлович и Вольф Григорьевич прожили душа в душу. Заграничный медиум не лез к Трущеву с идиотскими вопросами. Трущев воздерживался от того, чтобы давать подопечному советы, тем более всякого рода руководящие указания, касавшиеся составления отчета.

Вечером второго дня Вольф Григорьевич, закончив свою писанину, неожиданно и очень тихо спросил:

– Что с дочкой, Николай Михайлович?

Это было как удар под дых. Трущев не сразу нашел, что ответить. Для начала большими пальцами расправил гимнастерку под ремнем. Потом подошел к окну, притаился за шторой, замер.

---

¹³ Бокий Г. И. (1879–1937) – активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; член Петроградского ВРК. Долгие годы руководил Ленинградским управлением ГПУ – НКВД. В последние годы жизни и работы в НКВД Г. И. Бокий курировал расследования и поиск всевозможных паранормальных явлений. Существуют непроверенные сведения, что Бокий вел (по заданию высшего партруководства) исследования по паранормальным явлениям, зомбированию, восточным мистическим культам и т. д., тем более что он сам всегда интересовался подобными проблемами. Бокий – один из самых активных создателей ГУЛАГа. Во время чистки аппарата НКВД Н. И. Ежовым от сотрудников Г. Г. Ягоды арестован по обвинению в «предательстве и контрреволюционной деятельности» и расстрелян. В 1956 году реабилитирован.

– Здесь нет прослушки, – добавил Мессинг.

Нет прослушки? Кому он это говорит?!

– Как вы можете знать?

– Вижу. Вижу также вашу Светлану. На мой взгляд, вполне здоровая девочка.

– Она разучилась говорить.

– То есть? – не понял Мессинг.

– Зачем вам знать, Вольф Григорьевич?..

– Смелее, Николай Михайлович. Я не классовый враг и не двурушник, в чем, надеюсь, вы успели убедиться.

Николай Михайлович уселся на диван, закинул ногу на ногу, закурил папиросу.

– Она разучилась говорить. Потеряла, так сказать, дар речи. Сильнейший испуг.

– Когда это случилось?

– В декабре, перед Новым годом.

– Сколько ей лет? Семь?

Трущев кивнул.

Мессинг предложил:

– Я мог бы помочь.

Что он, Трущев, младший лейтенант госбезопасности, мог ответить?

Николай Михайлович молча докурил папиросу, встал, привычно расправил гимнастерку под ремнем, подошел ближе и поинтересовался:

– Ну, что тут у нас?..

Мессинг протянул ему последний исписанный листок. Трущев просмотрел его, потом вернул и подсказал:

– Подпись, число.

Мессинг добросовестно вывел: «18 июня 1940 года. Вольф Мессинг».

– Теперь в гостиницу?

– Да.

На лестнице Вольф Григорьевич предупредил:

– Только не надо никак афишировать мою помощь. Прошу, никому ни слова, для меня это очень важно. Только вы, я и ваша дочь. В тихой обстановке. Можно у меня в номере. Обдумайте мое предложение.

Что оставалось Трущеву, как не отделаться усмешкой?

Вольф Григорьевич заверил:

– Если вы об оплате, деньги меня не интересуют.

– Я не о том. Я в состоянии заплатить, просто я обязан доложить начальству.

– Кто вам поверит, Николай Михайлович? Я непременно откажусь от своих слов.

Поверьте, моя помощь вас ни к чему не обязывает.

Вероятно, Вольф Григорьевич всерьез полагал, что все дело в прослушке. Ему, продукту буржуазной культуры, было невдомек, что я не мог не сообщить начальству о сделанном мне предложении, иначе какой я чекист?! Конечно, было очень заманчиво воспользоваться услугами такого специалиста, каким являлся Мессинг, – одним этим предложением он убедительно доказал свои безграничные возможности, – однако опыт подсказывал, чем могло закончиться для меня и моей семьи подобное легкомыслие.

Всю ночь я взвешивал за и против. Я не мог отказаться от этой идеи! Пожертвовать здоровьем дочери было выше моих сил. Но разум, зловредный и неумолимый разум, подсказывал – прослушка не прослушка, а начальство рано или поздно узнает о моей неискренности, о том, что я дал слабинку и поддался на заманчивое предложение темного с чекистской точки зрения человека. Я был уверен – Мессинг не враг, но пойти на сделку с буржуазным специалистом

без санкции руководства, взгромоздить личное поверх общественного, было чревато утратой доверия.

Всю ночь Таня пытала меня, что случилось и почему я не сплю. Я ни слова не сказал ей. Отговорился неприятностями на работе, а на рассвете решил – пусть Света лучше пойдет в спецшколу для глухонемых, пусть останется в кругу тех, кого обидела природа, пусть дразнят и показывают на нее пальцем, но это все-таки лучше, чем лишение доверия. Мне было известно, как поступают с членами семей врагов народа. Быть немой и несчастной в московской квартире и при пайке – это лучше, чем немой и несчастной в детском приюте.

Утром, явившись на работу, я сухо изложил Федотову суть дела. Тот невозмутимо выслушал меня и позвонил наркому.

– Мессинг предложил Трущеву излечить его дочь от немоты.

Что ответил Берия, я не знаю, только Федотов, положив трубку, порадовал меня:

– Мы ждали чего-нибудь в этом духе. Нарком дал добро – если родители согласны, пусть попробует.

Я, уняв дрожь в пальцах, позвонил Мессингу прямо из кабинета Федотова.

– Сколько времени займет курс лечения?

– Не знаю. Я должен осмотреть ребенка.

– Хорошо, завтра. На прежнем месте. Я заеду за вами в десять. Свету привезу к одиннадцати. Не забудьте надеть белый халат. Висит в платяном шкафу.

– Зачем халат?

– Если вы доктор, на вас должен быть белый халат. Я скажу Свете, мы едем к удивительному доктору, который умеет лечить добрым словом. О гипнозе, пожалуйста, не упоминайте.

Лечение оказалось куда более легким делом, чем я ожидал. Если состояние гипноза – это разновидность сна, то Света с легкостью погрузилась в дремоту.

Когда она пришла в себя, удивленно спросила.

– Это все?

У меня желваки заиграли на скулах.

– Да, Светочка, – подтвердил Вольф Григорьевич. – Теперь ты можешь не только говорить, но и петь.

– Ну, уж петь, – не поверила Света. – Вы совсем как Айболит, только не знаете, что звери не поют.

– А птички?

– Ну, птички. Это совсем другое дело.

Я, давась от смеха и слез, выскочил из комнаты. Там уже дал волю и тому и другому.

Уже на лестнице, где наверняка не было прослушки, я предложил Мессингу гонорар.

– Не люблю быть в долгу. Кажется, товарищ Мессинг, вы так однажды выразились?

– Спасибо, Николай Михайлович. Повторяю, вы мне ничем не обязаны. Мне просто понравилось, что у вас даже в мыслях не было унижить меня или причинить зло. Но еще более – как вы изощренно материли сокола, безоружным отправившегося на войну.

Когда я доложил Федотову о результатах лечения, тот вновь позвонил наркому. Палыч приказал доставить Свету в нашу медсанчасть. Там ее обследовали и пришли к выводу, что никаких следов сильнейшего душевного потрясения не наблюдается, речь вернулась к ней в полном объеме. Когда ее спросили, умеет ли она читать, Света серьезно кивнула и прочитала предложенный ей текст, чем привела консилиум в полнейший восторг.

Выходит, не зря все это время мы учили с ней буквы и учились узнавать слова.

* * *

Итак, эксперимент над моей дочерью закончился успешно, а то, что это был именно эксперимент, проверка возможностей свалившегося нам на голову экстрасенса, санкционированная на самом верху, я убедился позже. Девочка выздоровела – этим все было сказано, особенно в отношении товарища Вольфа Мессинга, однако откровенный прагматизм руководства пришелся мне не по нутру. В те дни я впервые задумался о границах исполнительности, а также о пользе сомнений, помогающих выявить эти границы. В этих помыслах не было ничего от троцкизма или, например, взглядов «правой оппозиции», тем не менее, догадываясь, что к чему, я усиленно гнал эти несомненно контрреволюционные мысли от себя. Я решил отыграться на Шееле, который по-прежнему с прежней наглой вредительской самоуверенностью и фашистским фанатизмом отказывался давать правдивые показания. Мне никак не удавалось заставить его рассказать о своей преступной деятельности и, главное, осветить тайну бегства сына. С этим бароном и предателем можно было не церемониться – это было ясно как день! И то сказать – время неумолимо сворачивало к войне. В этом ни у кого не было сомнений, а ты, Трущев, корил я себя, какого-то мелкого нацистского гаденыша отыскать не можешь.

По совету Федотова, я попытался наладить с Бароном теплые отношения – может, проболтается! Во время допросов нередко переводил разговор на общие темы, потом исподволь сворачивал на интересующие следствие подробности преступной деятельности, в частности, каким образом Шеель совершил побег и кто ему помог.

Маневры молодого следователя были смешны старику, но – се человек! – даже угодив на Лубянку, в преддверии неминуемой расплаты он не мог отказать себе в удовольствии поиздеваться над чекистами и доказать превосходство представителя арийской расы над жалким коммунистическим неучем, пытавшимся выведать у него тайные знания, то есть причину, по которой он согласился отправиться в страну унтерменшей. Я охотно подыгрывал ему – откровенно признавался в собственной исторической безграмотности, особенно в вопросах изучения запovedной таинственной силы, которая присутствовала в жилах древних тевтонов, а теперь начала просыпаться в их потомках, и которую так рьяно воспевал Гвидо фон Лист¹⁴.

Вдохновленный попустительством молодого следователя, германский барон, например, позволял себе такие пассажи:

---

¹⁴ Лист Г(в)идо Карл Антон фон (1848–1919) – австрийский мыслитель и писатель. Основатель ариософии, утверждавшей, что в результате смешения крови и утраты чистоты расы современное человечество потеряло связь с тайными знаниями древних народов. Гидо фон Лист первым попытался примирить результаты современных естественных наук, научно-техническую революцию с религиозным взглядом на мир, что могло бы вернуть человеку его достоинство и центральное место в универсуме. Лист по существу продолжил изыскания Е. П. Блаватской, заложившей основы современного эзотеризма, суть которых – очень кратко – заключается, прежде всего, в утверждении теории расового превосходства, элитаризма и обещании грядущего апокалипсиса, который ждет нас всех, если не принять срочных мер и не обратиться к древней мудрости. Приложив теософские идеи Блаватской к германской почве, Лист первым ввел в оборот национального самосознания веру в магическую силу древних рун и необходимость возрождения «древнегерманских» ценностей. Ариософия Гидо фон Листа – лишь закономерное развитие идей Блаватской внутри той расы, которую сами теософы называют прямой наследницей доисторической оккультной традиции. Взгляды Листа, переработанные и пропагандируемые основателем Германского ордена, Рудольфом фон Зеботтендорфом, послужили основой идеологии Третьего рейха. В этой связи необходимо отметить роль такого известного мистика, каким в первой половине XX в. являлся Георгий Гурджиев, предложивший свое видение эзотерического странствия. Его попытки пробиться к Абсолюту посредством «рытья туннеля», другими словами, духовного самосовершенствования, были восприняты Карлом Хаусхофером, который прошел выучку у Гурджиева. В конечном итоге все европейские эзотерические доктрины, появившиеся на свет в конце XIX и начале XX века и имеющие гностические корни, образовали причудливую смесь, питавшую в первую очередь идеологию тех, кто рискнул нарушить естественный ход истории во имя колоссального социального эксперимента. Теперь мы знаем результат этих экспериментов. Их прервали советские солдаты 9 мая 1945 года. Боюсь, только на время...

– Что вы знаете о доктрине Вечного льда¹⁵, молодой человек? Вы ничего о ней не знаете! Вы слышали о поллой земле? Тоже ничего не слышали?! А как насчет всеиспепеляющего огня? Как же вы отважились взяться за строительство социализма, если мудрость древних для вас тайна за семью печатями?

В его глазах вспыхивал безумный огонек.

– Прежде чем Луна упадет на Землю, – а это неизбежно! – пламя, священное пламя древних тевтонов, охватит землю. Оно пожрет наших врагов. Враги корчатся, враги протягивают руки к небу. Поздно! Небо на нашей стороне, оно обрушится на вас, избыточную по численности расу. Оно поглотит вас. Очень скоро небо, наш безграничный заоблачный фатерлянд, распахнет свои объятия высшей расе. Планета Земля, не говоря о Евразии, тесна для расплодившегося поголовья низших. Что вы путаетесь под ногами! Германцы всегда упирались плечами в чуждые племена. Вспомните полабских славян, этих недоносков в человеческих шкурах! Вспомните, на чьих костях возведен Берлин и Кенигсберг! Это было начало. Веками мы расширяли жизненное пространство, веками германцы, пожирая соседние племена, двигались на восток. Теперь пробил ваш час! Я ощущаю дыхание последней битвы!

Однажды, слушая разглагольствования матерого шпиона насчет грозившего нам истребления, я оборвал его, заявив, что никакой гибели богов, тем более конца света, ожидать не следует. Это все суеверия.

---

¹⁵ *Доктрина Гербигера* основана на идее вечной борьбы между льдом и огнем, между силами отталкивания и притяжения. Эта борьба происходит также и на Земле и определяет историю человечества. Гербигер утверждал, что раскрыл самое отдаленное прошлое Земли и ее еще более отдаленное будущее. Люди – боги, гиганты, сказочные цивилизации – предшествовали нам сотни тысяч, если не миллионы, лет назад. Возможно, мы вновь станем тем, чем были предки нашей расы, пройдя через катаклизмы и необыкновенные мутации по ходу истории, которая развивается циклами на Земле и в космосе. Вселенная – живой организм, и все отражается во всем. Судьбы людей связаны с судьбой звезд. Происходящее в Космосе происходит и на Земле, и наоборот. Эта доктрина циклов и магических отношений между человеком и Вселенной опиралась на древние пророчества, оккультное учение об астрале, древнеиндийскую мистику и демонологию. Вначале в пространстве было огромное тело с высокой температурой, в миллионы раз больше нашего нынешнего Солнца. Оно столкнулось с гигантской планетой, состоявшей из скопления космического льда. Масса льда глубоко проникла в сверхсолнце. Затем в течение сотни тысяч лет не происходило ничего. Потом произошел гигантский взрыв. Осколки были отброшены так далеко, что затерялись в ледяном пространстве. Другие либо упали обратно на центральную массу, либо были отброшены в среднюю зону, став планетами нашей системы. Их было тридцать. Постепенно они стали покрываться льдом. Луна, Юпитер, Сатурн состоят из льда, каналы Марса – трещины во льду. Только Земля не была полностью охвачена холодом, на ней продолжается борьба между льдом и огнем. Млечный Путь – это огромное ледяное кольцо, находящееся на расстоянии втрое большем, чем до Нептуна. Оно и сейчас там находится. Астрономы называют его Млечным Путем, так как несколько звезд, похожих на наше Солнце, сверкают сквозь него в бесконечном пространстве. Что же касается фотографий отдельных звезд, совокупность которых представляет Млечный Путь, то это подделки. Солнечные пятна, которые меняют свою форму и место каждые одиннадцать лет, происходят от падения ледяных глыб, которые оторвались от Юпитера, совершающего свой оборот вокруг Солнца каждые одиннадцать лет. Луна, согласно доктрине Гербигера, несомненно, упадет на Землю. В течение нескольких десятков она приближается к Земле. В связи с этим сила гравитации будет увеличиваться. Воды океанов Земли соединятся в постоянные цунами, они поднимутся, покроют сушу, затопят тропики и окружат самые высокие горы. Все живые существа постепенно станут легче и увеличатся в своих размерах. Космические силы станут более мощными. Действуя на хромосомы и гены, они создадут мутации. Появятся новые расы, животные, растения и гигантские леса. Затем, еще более приблизившись, Луна взорвется от большой скорости вращения и станет кольцом из скал, воды и газа. Это кольцо будет вращаться все быстрее и быстрее. Наконец это кольцо обрушится на Землю. И тогда произойдет падение, предсказанное Апокалипсисом. Выживут только самые лучшие, сильные, избранные люди. Они увидят ужасающие картины конца мира. На протяжении тысячелетий лишенную спутников Землю ожидают наслоения новых рас и цивилизаций гигантов. Все начнется снова после потопа и огромных катаклизмов. Марс, значительно меньший, чем Земля, в конце концов достигнет ее орбиты. Слишком большой, чтобы стать спутником, он пройдет совсем близко от Земли, заденет ее и упадет на Солнце, притянутый его огнем. Земная атмосфера окажется увлеченной притяжением Марса, покинет Землю и затеряется в пространстве. Океаны забулзят, вскипая на поверхности Земли, смоют все, и земная кора взорвется. Мертвая планета, продолжая двигаться по спирали, будет захвачена ледяными планетоидами, плавающими в небе, и станет огромным ледяным шаром, который, в свою очередь, упадет на Солнце. После столкновения наступит Великое молчание, Великая неподвижность, а внутри полыхающей массы на протяжении миллионов лет будут собираться водяные пары. Наконец, произойдет новый взрыв для созидания новых миров вечными пламенными силами Космоса. Такова судьба нашей Солнечной системы в глазах австрийского инженера, которого национал-социалисты называли «Коперником XX века». Феномен Гербигера не может быть понят вне общей атмосферы «сумасшедшего дома», которая окружала фашизм на всех его этапах. Без оккультной истерии, сопровождавшей борьбу нацистов за власть, не было бы и «ледяного пророка».

– ...и не вам, человеку, присягнувшему на верность новой родине, грозить рабочим и крестьянам страны Советов, победившим в Гражданской войне и успешно строящим социализм, истреблением. Этого не никогда не будет!

Барон вскричал:

– Почему не будет?! Древние пророчества подтверждают!..

– Чихать я хотел на ваши пророчества! Этого не будет потому, что не будет никогда! Хотя бы потому, что мы нашли законсервированный вами огнетушитель. Вот полюбуйтесь, фабрика жива и здорова. А вот листы профилированной фанеры, из которой мы будем изготавливать крылья для наших новых истребителей! А вот наш новый истребитель, которому ваш «мессершмит» в подметки не годится! Ваша карта бита, господин Шеель!

Я протянул Шеелю пачку фотографий, сосредоточился...

Старик торопливо схватил снимки, начал перебирать их, и в следующий миг, когда в его руки попала фотография, на которой был изображен его сын, укладывающий в штабель фанерные листы, меня окатил неслышимый, но вполне отчетливый вопль:

– Was? Unmöglich!!!¹⁶

Я мельком глянул на подследственного.

Старик обладал не менее крепкой, чем Закруткин, закваской. Он сжал душу до беззвучия, презрительно усмехнулся и, вернув мне ловко смонтированную фотографию, с презрительной усмешкой поздравил:

– Неплохая фальшивка!

Поздно!

Я победно помалкивал. Трудно было поверить в удачу, однако то ли этим молчанием, то ли мне действительно удалось задеть Барона за живое, только старик занервничал.

– Это грубый монтаж! Провокация!..

Я немедленно прервал допрос. Когда Шееля увели, мне пришлось потратить некоторое время на то, чтобы мысленно разложить по полочкам собственные ощущения, родившиеся в момент, когда подследственный увидел фотографию сына, укладывающего листы фанеры. Федотов прав – все, что касалось Алекса, било наотмашь. Смутило другое – его чуждое, высказанное на вражеском языке «не может быть!» очень походило на вскрик, вырвавшийся у полковника Закруткина в тот день, когда он впервые взял в руки фотографию молодого Шееля.

Эту странную, так неожиданно всплывшую связь следовало немедленно прояснить. Только нельзя пороть горячку, надо успокоиться.

Я поспешил домой и после краткого и бурного соития с женой, прикинув, что к чему, отправился в гости к Закруткину.

Было начало осени, лучшее время в Москве. Дом красных командиров располагался в центре города, в тихом переулке неподалеку от Воздвиженки. Во дворе я буквально заставил себя присесть на лавку. Успокоившись, прикинул – не бросить ли всю эту самодеятельность? Или все-таки рискнуть и попытаться выяснить у Закруткина, почему фотография молодого Шееля ошеломила его? Понятно, что ни о пожилом Шееле, ни о внутреннем голосе ни слова. Может, мне померещилось?!

Пусть это мистика самого мракобесного пошиба, но в любом случае, если появились сомнения, партия требует развеять их.

Оружие с собой?

Я ощупал в кармане пистолетную рукоять ТТ.

Взвел курок.

Это было не смешно, это было очень серьезно. Как отчитаться перед партией, если я сейчас наломаю дров? Что достойней – вернуться, промолчать, отпрянуть? Явиться с непро-

---

¹⁶ Что? Не может быть!!! (нем.)

веренною вестью или сломить сопротивление вражье, и в схватке с целым морем лжи сразить ее, тем самым оказав сопротивление? Как родились эти слова, откуда явились, объяснить не могу, но, как любила выражаться Таня, «внутри все трепетало».

Будь что будет, и, узнав у мальчишек, играющих во дворе, номер квартиры Закруткиных, я вошел в подъезд.

Поднялся по широкой, ограниченной резной чугунной решеткой с лакированными поручнями, лестнице, позвонил.

За дверью слышались шаги, затем молодой бодрый голос спросил: «Кто там?»

– К Константину Петровичу. По службе.

Дверь распахнулась, и на пороге собственной персоной очертился Алекс-Еско фон Шеель.

Молодой человек поздоровался и ответил:

– Папы нет. Он в командировке.

– Извините, – прочистив горло, откликнулся я и на всякий случай аккуратно спустил курок, тем самым поставив ТТ на предохранитель. – Я зайду в следующий раз.

– Вы хотели что-то передать папе?

– Нет, это не горит. А вы кто будете?

– Сын, Анатолий.

– До свидания, Анатолий.

Я направился к лестнице, затем, изобразив догадку, вернулся.

– Как же я забыл. Отец говорил, что вы учитесь в МГУ?

– Нет, в инязе, на германской филологии.

– Должно быть, увлекательнейшее занятие?

– Да-а... – неуверенно подтвердил студент Закруткин.

Я еще раз попрощался и направился к лестнице.

Дверь за мной подозрительно мягко захлопнулась.

Одна – наиглупейшая! – мысль билась в виске.

– Вот здесь, – указал Николай Михайлович на голубенькую жилку, бившуюся в миллиметре от геометрически ровного шрама, отчетливо проступавшего сквозь поредевшие седые волосы.

Заметив мой взгляд, он мимоходом пояснил.

– Фашистский осколок, – затем вернулся к рассказу. – Шел и нервничал – не спугнул? Не дай Бог, спугнул! Вроде нет... Самому стало смешно – кого спугнул? Что значит «спугнул»? Сына полковника Закруткина или сбежавшего гаденыша? Как я мог его – или их – спугнуть, если ни тот, ни другой никогда меня в глаза не видали? Меня другое будоражило – выходит, это два разных человека?!

Но какое поразительное сходство!!

* * *

На следующий день я доложил Федотову о находке.

Начальник отдела внимательно выслушал, потом спросил:

– Вы, товарищ Трущев, сообщаете, что говорите?

– Так точно, товарищ комиссар третьего ранга.

Павел Васильевич снял очки и принялся протирать стекла, затем потянулся, снял телефонную трубку и тусклым голосом произнес:

– Наркома!

Пауза.

– Лаврентий Павлович, есть вопрос. Да, неотложный. Хорошо... Со мной Трущев. Слушаюсь!

В коридоре Федотов, дождавшись, когда я подстроюсь под его шаг, предупредил:

– Вы, голубчик, про мистику не распространяйтесь. Сходство обнаружили случайно.

– Так точно. Вы мне не верите, Павел Васильевич?

– Почему не верю, – пожал плечами начальник отдела. – Я в мистику не верю, а в подоплеку очень даже верю. Если, конечно, вы, голубчик, не преувеличиваете. Наркому скажете – сработала интуиция. Шестое чувство, так сказать. Понятно?

– Слушаюсь.

На этот раз Берия встретил молодого сотрудника более доброжелательно и без возражений дал санкцию на негласный сбор сведений об Анатолии Закруткине. План игры сложился накатом – глупо было отказываться от возможности окончательно расколоть Барона. За ним без всяких сомнений должна была тянуться длинная вереница сообщников.

На прощание Берия предупредил:

– Это хорошо, Трущев, что на этот раз вы не проморгали, однако поиски настоящего преступника – это ваша прямая обязанность.

* * *

– Что можно сказать о молодом Закруткине? – Трущев помешал чай и вытащил ложку. – Парень казался своим в доску. Комсомолец, ворошиловский стрелок, крепок физически. На такого можно положиться, если бы не одно «но». В тридцать шестом, на первом курсе, Анатолий подал заявление с просьбой направить его в Испанию на помощь бойцам-интернационалистам, однако спустя неделю забрал его. Свое решение мотивировал необходимостью лучше освоить язык.

Когда я под видом вербовщика встретился с Анатолием и задал этот вопрос, тот признался, что забрать заявление его заставил отец. Полковник решительно, не слушая никаких возражений, настоял, чтобы сын напрочь забыл о всякой нелегалыщине.

– Твоя стезя, – напомнил он, – научная работа. Этим и занимайся. Когда понадобишься, тебя вызовут, а до той поры учись, повышай культурный уровень.

– Это был первый случай, – признался Трущев, – когда я лоб в лоб столкнулся с такой откровенно оппортунистической позицией. Меня взяло сомнение, с какой стати полковник Разведупра, нелегал и, как мне казалось, идейно подкованный человек, позволил себе отговаривать сына от исполнения долга перед партией?

После паузы Трущев пояснил:

– Это был интересный момент моей биографии. В ту пору я был молод и глуп. Когда я уже совсем собрался сообщить куда следует о странном поведении старшего Закруткина, мне вспомнилась Светочка и то, каким образом с ее помощью мои старшие товарищи сумели выявить нутро Вольфа Мессинга. Эта мимолетная мысль оказалась чем-то вроде ключика, отворившего мне двери туда, где прежде чем совершить недостойный поступок, – какие бы оправдания ни приводились в его защиту, – следовало крепко подумать. Позже Вольф Григорьевич объяснил мне, что самое главное – сохранить уважение к себе и уметь держать дистанцию между собой и миром. Существует некое микроскопическое расстояние, от которого, невзирая ни на какую пропаганду и агитацию, ни в коем случае нельзя отказываться. Иначе – крах!.. Усек?

Я кивнул, хотя, откровенно, мне было не совсем понятно, о чем речь. Такого рода философий я понаслышался немало. (С другой стороны, авторитет ветерана был весом, и не мне было вмешиваться в мысли-ключики, с помощью которых он, отделившись шрамом на виске, тюремным заключением и побоями, прошел все это злобно-героическое время).

Между тем Николай Михайлович всюду вешал:

– ...если признать необходимость сохранения дистанции, неизбежно возникает вопрос, от кого оберегать ее? Кто эти личности, посягающие на твою ауру? И личности ли это?.. Может, это некие незримые существа, названные Мессингом и прочими «измами» и «стями»? Может, Платон был прав, утверждая, что так называемые эйдосы, или идеи, существуют реально? Эти мерзкие фантомы, порабащивающие нас, нами же и производятся. Не разобравшись с ними, невозможно добиться согласия с самим собой.

Впрочем, об этом после. Ты занеси в протокол следующий тезис – со своей стороны, беседуя с Толиком, я тоже старался избегать слова «родина требует...» и так далее...

Он принялся помешивать чай.

Вообще, чай он гонял как заправский отставник – напиток был крепок, того самого неповторимого густо-медового оттенка, которым славится хороший чай, стакан млея в серебряном подстаканнике.

– Будешь править текст, – предупредил он меня, – вычеркивай везде, где можно, слово «родина». В нашей среде оно не употреблялось. Его заменяло слово «партия». Кстати, интереснейшее словцо. Чрезвычайно многозначное. Как-нибудь мы поговорим об этом и о том, чем грозит подмена понятий.

Я с готовностью кивнул.

* * *

Разъяснив Анатолию его роль и уже на Лубянке хорошенько подготовив молодого человека, я вызвал Шееля на допрос, где еще раз предложил помочь следствию и облегчить свою участь чистосердечным признанием. Если они найдут общий язык, если он будет искренен в своем раскаянии, можно рассчитывать на снисхождение при вынесении приговора. Иначе...

Альфред фон Шеель, не обращая на меня никакого внимания, некоторое время изучал свои ногти, потом ответил:

– Гражданин следователь, я однажды попался на вашу удочку, больше не желаю. Не вы ли гарантировали мне безопасность, если я соглашусь встретиться с Майендорфом?

– И что? Вы можете пожаловаться, что органы не выполнили свое обещание? Что же касается вашей шпионской деятельности, если вы и дальше будете упорствовать, вряд ли стоит рассчитывать на снисхождение.

– Это пустой разговор, – усмехнулся Шеель. – Отключайте шарманку.

– Как хотите. Тогда мы получим интересующие нас сведения от вашего сына. Если он тоже будет упорствовать, мы расстреляем его у вас на глазах. Или наоборот.

– Сначала поймите. Кстати, как ваше начальство отнеслось к фокусу с фотографией?

– Мне объявили благодарность.

– Рад за вас. Что вы приготовили на сегодня?

– Вот полюбуйтеся.

Я протянул подследственному фотографию, на которой веселый Анатолий Закруткин в форме лейтенанта НКВД поправлял большими пальцами ремень на гимнастерке. За его спиной было отчетливо видно здание наркомата на Лубянке.

Барон одобрил качество фальшивки.

– На это раз значительно лучше. Совсем как настоящая.

– А это и есть настоящая. Приглядитесь повнимательнее.

Старик некоторое время пристально разглядывал фотографию. Я затаил дыхание. Ее подлинность не вызвала сомнений.

Старик занервничал.

Я продолжил атаку.

– Ему надоело жить под чужим именем. Он пришел с повинной, и, как видите, советская власть отнеслась к нему снисходительно.

– Мне известно, с какой снисходительностью вы относитесь к гражданам, которые приходят к вам с повинной. Известно ли вам вообще, что такое снисходительность? Кстати, под чьими документами скрывался этот субъект? – он ткнул пальцем в портрет.

Это был убойный вопрос. Что я мог ответить старику? Я медленно поднялся, вышел из-за стола, приблизился к подследственному – в руке у меня была метровая металлическая линейка. Я ударил линейкой по столу, потом напомнил:

– Здесь вопросы задаю я! А ты, фашистская морда, мог бы и помолчать.

Затем вызвал конвойного.

Тот зашел и сделал знак – все готово. Я распорядился.

– В камеру!

Старик натужно поднялся и вышел в коридор. Я попробовал определить в уме, сбил я его с толку или нет? Если бы не этот хитрый вопрос насчет документов!.. Умен, гад!..

Я встал и направился вслед за Шеелем. Когда конвойный подвел Барона к лестнице, в пролете, загороженном металлической сеткой, тот увидал сына. Его тащили под руки два амбала в форме. Кровь обильно хлестала из разбитой головы, одна нога была неестественно вывернута.

Старик встал как вкопанный, заплакал – конвойный в отчете так и написал: «Подследственный заплакал...» – затем страшно закричал.

Я приблизился и, указав на истерзанного человека, с гнусной улыбочкой поинтересовался:

– Хор-рош?

В камеру барона фон Шееля пришлось тащить волоком.

На следующий день он начал давать показания – выдал всех: Шихматова, Ройзинга, Штирблянда, в Краснозатонске своего подручного Иванова, приготовленного к закланию на священном тевтонском огне. Умолчал только о преступной деятельности сына. Ни слова не сказал, только советовал:

– Спросите у Алекса.

Глава 5

След молодого Шееля обнаружился осенью 1940 года. Мелькнул настолько неожиданно, что Трущев не сразу поверил в удачу. Правда, к тому моменту дело барона Альфреда, советского гражданина, шпиона германских спецслужб – в общем-то, вполне обычное, ничем не примечательное, внезапно приобрело государственный, можно сказать, несуразно эпохальный, с отчетливым зловещим оттенком, характер.

Все завертелось в конце сорокового, когда следчасть закончила расследование дела и готовилась передать его в суд.

Трущева подняли далеко за полночь, прислали машину. До самой Лубянки сердечко вздрагивало – куда везут? Успокоился только, когда машина, миновав ворота внутренней тюрьмы, остановилась возле наркомовского подъезда. Дежурный офицер, встретивший его на КПП, приказал поторапливаться. Это был здоровенный, метра под два ростом, детина – он двинулся вперед таким быстрым шагом, что Трущеву пришлось перейти на мелкую рысь. Бежать по коридору было очень стыдно – не дай Бог, кто-нибудь заметит! Благо в коридоре было пусто, время-то позднее. Дыхание перевел в лифте, там же прикинул – чего ради такая спешка? Догадался – опять этот проклятый Шеель. Своими руками придушил бы этого двурушника!

Берия, в кабинете которого уже находились Меркулов и Федотов, повел себя на удивление вежливо. Поздоровался, пригласил сесть, спросил – успел ли Трущев «воткнуть» жене?

Николай Михайлович, не снимая маску готовности исполнить любой приказ родины, онемел от такого неслыханного хамства. От ответной грубости спасла мысль – не для того же его поднимали среди ночи, чтобы поинтересоваться, чем он все это время занимался с Татьяной?

Его невозмутимость, как видно, удовлетворила Берию. Он так и сказал, обращаясь к наркому госбезопасности и начальнику КРО.

– Неплохая видержка! – и без паузы, уже повернувшись к Трущеву, продолжил: – Как у тебя насчет памяти, Трущев?

– Пока не жаловался.

Берия скривился.

– Неправильно отвечаешь, не по-коммунистически. Если начальник спрашивает тебя, как у тебя с памятью, отвечай четко и ясно – у меня хорошая память, товарищ нарком. Всякие «жаловался не жаловался» отставить. На прямые вопросы отвечай «так точно», «никак нет», и строго-настрого предупреждаю – не лез с инициативой. Отвечай толко, когда спросят. Понял?

– Так точно.

– Теперь давай по сути.

Нарком начал гонять младшего лейтенанта по всем сомнительным вопросам, сохранившимся в деле Шееля, причем направленность этих вопросов вконец сразила Трущева. Менее всего наркома интересовала преступная деятельность матерого шпиона. Подавляющее большинство вопросов относилось к биографии Барона, особенно к той части его жизни, которая относилась к Германии.

Трущев отвечал четко, без запинки, это тоже понравилось Берию. Затем нарком спросил на удивление дружески, без всякого нажима, без гневливого «мы этого не потерпим», «партия нам этого не простит» и тому подобных угроз, на которые он был мастак, – что Трущев думает о сроках поимки Алекса? Попросил ответить честно, «без викрутасов».

Трущев не удержался и искоса глянул на Меркулова и Федотова – может, он ослышался? Может, вопрос не к нему? Что он, младший лейтенант госбезопасности, может думать?..

Лица у тех были каменные. Значит, вопрос к нему, и этот вопрос отделял его, живого Трущева, от другого, скорее всего, мертвого или в хомуте по сто шестнадцатой пополам, если он сейчас слышит или промахнется в сроках.

Он ответил честно:

– Пока никаких зацепок, товарищ нарком, но убежден, гулять ему недолго.

– На чем строишь уверенность, Трущев?

– На сроках исчезновения. У нас есть фактическая дата, а это немало. Он сбежал из Свердловска в тот же день, когда был арестован отец. Мы тотчас перекрыли транспорт, дороги, частный извоз, так что далеко от Свердловска он, скорее всего, уехать не мог. Значит, где-то поблизости, но если это соображение окажется ошибочным, ничего страшного – просто фронт работы увеличивается. Шеелю необходимо легализоваться как можно скорее. Документы у него, полагаю, наичистейшие, следовательно, он вполне может обратиться в такое учреждение, куда сезонно набирают людей. Завербоваться на Север? Вряд ли – оттуда так просто не выбраться. Скорее всего, что-то по линии учебных заведений и тех организаций, которые обладают собственным жилым фондом. Фотографии разосланы, работа закончится через месяц-другой.

– Будем считать это предельным сроком. Иди, работай.

Трущев ничем не выказал недоумения. Встал, вышел.

Весь день он ждал вызова от Федотова. Когда дождался, поразился – тот ни словом не обмолвился о ночном происшествии. Начальник отдела еще раз тщательно проработал с Трущевым все возможные варианты поиска Алексея Шееля, напомнил об осеннем призыве в армию.

* * *

Удача выглянула из-за угла, как убийца, – неожиданно и страшно, даже «внутри все затрепетало».

Забирая у Анатолия Закруткина подписку о неразглашении, Трущев официально поблагодарил паренька за проявленные выдержку и мужество при выполнении задания. Насчет мужества, добавил от себя Трущев, судить, конечно трудно, – «я, так сказать, авансом», – но с выдержкой у Анатолия действительно все оказалось в порядке. Возможно, сказалась отцовская закалка. Закруткин так и не спросил о цели всего этого спектакля, о том, хорошо ли он сыграл свою роль. Ему хватило ответа – так надо.

Но глаза...

Глаза откровенно выдавали его. Глядя в них, Трущев вспомнил себя в кабинете Берии – неужели он тоже выдал себя взглядом? Это недостойно чекиста, у которого должен быть холодный взгляд, большие, крепкие руки и что-то там с сердцем.

Трущев не имел права ничего объяснять пареньку, однако оставлять эти глаза в неведении было в высшей степени жестоко.

Он сказал так:

– Типа одного надо было расколоть, матерого шпиона. Ты оказался похож на связного, направленного к нему из-за кордона. Мы решили продемонстрировать резиденту, что ты у нас в руках.

Анатолий удивленно глянул на Трущева.

– Говорите, связного?..

Трущев кивнул.

– Значит, связной похож на меня? – поинтересовался Закруткин.

Николай Михайлович промолчал, тем самым как бы подчеркнул, что молодой человек недалек от истины.

Анатолий задумчиво поделился:

– То-то я понять не мог, что это Колька из соседней группы ко мне прицепился. Что ты, мол, летом делал в Одессе? Я отбрыкиваюсь, не был я в Одессе, а он мне: «Брось! Я что,

слепой? Разгуливаешь по Дерибасовской в курсантской форме. Я тебя окликнул, а ты вроде как не заметил».

– Кто, говоришь, видал тебя в Одессе? – мимоходом поинтересовался Трущев.

Анатолий назвал фамилию Кольки, и уже на следующий день, поговорив с приятелем Закруткина, Трущев обнаружил, что летом сорокового года в Одесское пехотное училище имени Клим Ворошилова согласно направлению, выданному в Харьковской области, поступил курсант Неглибко Василий Петрович, как две капли похожий на Анатолия Закруткина.

В тот же день Трущев доложил Федотову о найденном шпионе и диверсante. Пора брать, предложил он.

– Да, конечно, – согласился Федотов, затем, встрепенувшись, заявил нечто прямо противоположное: – Ни в коем случае!! Он под надежным наблюдением?

– Обложили со всех сторон.

– Не говори гоп, – предупредил Павел Васильевич. – Впрочем, сейчас есть дело поважнее. Ты подготовился?

– К чему?

– К чему?! – Федотов в первый раз выказал откровенное раздражение. – Как отвечаете, младший лейтенант?

Трущев вытянулся.

– Все материалы по делу Шееля помнишь?

– Так точно.

– Будь гот...

Он не договорил.

Зазвонил телефон. Федотов снял трубку.

– Да, товарищ нарком. У меня. Есть, так точно. Товарищ нарком, обнаружен младший Шеель. Да-да, лично Трущевым. Так точно. Да-да. Слушаюсь. Через пять минут будет внизу.

Он положил трубку и, сменив гнев на милость, предупредил:

– Послушай, голубчик, у наркома сейчас нет времени для доклада, поэтому ты поедешь с ним и по пути все расскажешь. Это очень важно. Безоговорочно выполняй все его распоряжения, каждую секунду будь готов дать справку. Помнишь, о чем тебя предупреждали? Отвечать кратко и по существу, свои домыслы, тем более советы, держать при себе. И не лезь, пока не спросят. Понял?

– Никак нет!

– Что ты не понял?

– Куда мы поедем.

– В Кремль, Трущев! В Кремль!!! По дороге доложишь наркому насчет младшего Шееля. Если он возьмет тебя с собой, держись достойно. Будешь докладывать или нет, не знаю. Этого никто не может предугадать, но ты должен быть наготове.

Трущев взмолился:

– Товарищ комиссар, да объясните, наконец, в чем дело. Кому и что я должен докладывать?

Федотов выдержал длинную паузу, потом, на что-то решившись, сообщил:

– Товарищу Сталину! Насчет Шееля...

Трущев отпрянул на шаг.

– Зачем товарищу Сталину Шеель-то понадобился?

Федотов вновь выдержал паузу, затем предупредил:

– Забудь все, что я тебе скажу. Этот Барон оказался крупной птицей. К сожалению, о его аресте узнали там, – он ткнул пальцем в сторону заходящего солнца. – Это, конечно, наша недоработка, но теперь поздно посыпать голову пеплом.

Еще пауза.

– Некоторое время назад полномочный посол Германии, граф фон Шуленбург, по особому каналу обратился к товарищу Молотову с необычной, или, точнее, необычно-личной просьбой облегчить участь арестованного фон Шееля и по возможности сохранить ему жизнь. Якобы Шеель приходится ему родственником. Молотов упомянул об этой просьбе в присутствии вождя. Хозяин заинтересовался и предложил Лаврентию Павловичу прояснить суть вопроса. Все эти дни мы ждали вызова в Кремль. Сейчас позвонил Поскребышев... Ты поедешь вместе с наркомом и Меркуловым, посидишь в приемной. Если Лаврентию Павловичу понадобится справка, выдашь ее. Все помнишь? Смотри язык не проглоти. Это наша работа, голубчик, – информировать высшее руководство страны обо всем, что происходит на тайном фронте. Этого требует от нас партия. Ступай.

* * *

О посещении Кремля Трущев сообщил следующее:

– Что сказать о Петробыче? Ростом он был повыше меня, но не намного. Вот настолько... – Трущев, раздвинув большой и указательный пальцы, продемонстрировал расстояние, отделявшее его от Сталина. Оно оказалось невелико – сантиметра три. – Разговаривал запросто, акцент был куда менее заметен, чем у Берии, разве что называл он меня ближе к Трущеву, чем к Трущеву.

Николай Михайлович закурил.

– В Кремль въехали через Боровицкие ворота и сразу за угол. Обогнули дом Верховного Совета, поднялись на второй этаж. В приемной сидел Постышев, секретарь, следующая комната – зал ожидания. Там находился Власик. В зал мы вошли втроем. Когда Власик распахнул дверь в кабинет, Меркулов неловко, но сильно ткнулся в меня, и я против воли сделал шаг вперед. Берия покосился, но промолчал. Пришлось зайти. О кабинете рассказывать?

Я кивнул.

– Кабинет просторный, как я уже сказал, на втором этаже служебного корпуса, расположенного за Верховным Советом. Ближе к двери большой стол для заседаний – за столом сидели Калинин, Ворошилов, последним Молотов, подальше от членов Политбюро Маленков. Он что-то писал в блокноте. Мы вошли и встали у порога. Меркулов держался так, что мне показалось, вот-вот грохнется в обморок. Не знаю, может Сталин любил пугать его, но начал он именно с Всеволода Николаевича. Правда, сначала подошел к нам, поздоровался, на меня глянул вскользь. Затем, обращаясь к членам Политбюро, спросил:

– Как нам поступить с товарищем Меркуловым? Как партия должна поступить с наркомом госбезопасности, позволяющим себе писать пьесы¹⁷. Что вы можете сказать по этому поводу, товарищ Меркулов?

– Это никак не мешает мне выполнять свои служебные обязанности, товарищ Сталин.

– Значит, вы пишете пьесы в свободное от работы время?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Значит, у вас много свободного времени, товарищ Меркулов?

– Не-ет, товарищ Сталин.

– Я думаю, и товарищи по Политбюро поддержат меня, что у вас должно быть мало свободного времени. Если мало времени, значит, пьеса не может получиться удачной. Вы согласны, товарищ Меркулов?

– Согласен, товарищ Сталин.

---

¹⁷ Первую пьесу Меркулов написал в 1927 году. Во время войны на сцену страны вышла пьеса «Инженер Сергеев» Всеволода Рокка – комиссара госбезопасности первого ранга Меркулова.

– Вот и хорошо. Запомните, товарищ Меркулов, литературным творчеством займетесь, когда переловите всех шпионов. Тогда у вас будет много свободного времени, и псы будут получаться хорошие. Как, например, у Булгакова. А пока шпионы гуляют на свободе, вам следует усердней исполнять свои прямые обязанности. Например, что вы можете сказать о Шееле?

Берия не упустил момент и сделал шаг вперед.

– Дело находится в стадии завершения. Скоро оно будет передано в суд.

– Вы уверены, товарищ Берия, что НКВД выкорчевал все сорняки, выращенные этим матерым шпионом?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Ви хотите сказать, что нашли его сына?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Где ви его нашли?

– В Одессе, в пехотном училище имени Клима Ворошилова.

Ворошилов поперхнулся от такой наглости.

– Непростительная халатность!.. – воскликнул он и всплеснул руками. – Необходимо немедленно начать расследование...

– Подожди, Клим, – прервал его Сталин, потом, обратившись к Берии, поддержал Ворошилова. – Действительно, куда забрался! Он у нас все военные секреты выведает! Как же вы обнаружили его?

Берия кивнул в мою сторону.

– Этим делом занимается младший лейтенант Трющев.

Сталин подошел ко мне и благожелательно – видно, ему пришлось по душе мой малый рост, – спросил:

– Как вам удалось отыскать врага, товарищ Трющев?

– На подсадного, товарищ Сталин.

– То есть? – удивился хозяин кабинета.

– В процессе следствия было обнаружено, что у Алексея Шееля есть двойник...

– Кто? – насторожился Сталин.

– Сын полковника Разведупра Закруткина Константина Петровича.

– Вы даете отчет своим словам? – с откровенной неприязнью спросил Сталин. – Я знаю Закруткина, инициативный товарищ. Теперь оказывается, у него есть сын, похожий на шпиона?

– Анатолий Закруткин не имеет никакого отношения к преступной деятельности Алексея Шееля. Они просто очень похожи друг на друга.

– У вас есть фотографии? – заинтересовался Сталин.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Покажите.

Я вытащил из папки несколько фотографий. Сталин некоторое время рассматривал их, затем протянул Калинин. Тот поцокал языком, произнес «ай-яй-яй» и передал Ворошилову. Этот, словно желая подчеркнуть, куда может завести халатность, выразился внушительно – «да-а-а...» – и передал фотографии Молотову. Наркоминдел ничего не сказал, только выразительно усмехнулся и положил фотографии на стол так, что Маленкову пришлось тянуться за ними. Георгий Максимилианович тоже промолчал, правда, в блокнот записывать перестал. Работая в кадрах под началом Ежова, он и не такое видывал.

Я стоял как вкопанный, ожидая самого худшего для себя, для Закруткина, для его сына и, не поверишь, для молодого Шееля.

– Как старший Шеель держался на допросах? – поинтересовался хозяин кабинета, обращаясь ко мне.

Берия откровенно напрягся, однако я решил сказать правду.

– Он молчал. Мы применили несколько подходов – бесполезно. Барон – матерый и крепкий враг, товарищ Сталин.

– Как же вы добились показаний, товарищ Трющев?

– Мы подготовили Закруткина, затем продемонстрировали его старику.

– Хорошо подготовили? – живо поинтересовался Молотов.

– По полной программе, товарищ Молотов, – отрапортовал Трющев. – Кровь хлестала как из борова.

– И Барон сразу раскололся? – не поверил Сталин.

– Так точно, – ответил я.

– Да, – согласился Сталин и, обращаясь к Берии, выразил одобрение. – Твои молодцы умеют допрашивать.

– Это был психологический ход, товарищ Сталин, – объяснил Берия.

– Ха, ход, – усмехнулся Сталин и пригладил усы. – Впрочем, черт с ним, с Шеелем! Как мы должны поступить с этим шпионом?

Молотов подал голос:

– Шуленбург намекает на возможный обмен.

– Мы шпионов на предателей не меняем. Хотя просьба посла дружественной державы заслуживает внимания. Что вы предлагаете, товарищ Берия?

– Закон позволяет сохранить ему жизнь.

– Кому – старшему или младшему?

– Обоим, – уточнил наркомвнудел.

– Так, – высказал свое мнение Сталин. – Враги сжигают наши лесопилки, убивают наших граждан, а вы предлагаете сохранить им жизнь?

– Суд решит, товарищ Сталин, – выкрутился Берия.

– Суд, конечно, решит, но суд не может решить политический вопрос – как поступить со старшим Шеелем?

– Революционный долг, товарищ Сталин, требует от нас бить безжалостными с врагами революции.

– Это верно. Но пролетарская сознательность подсказывает, если старый Шеель – враг матерый, то молодой, к тому же имеющий двойника, мог бы пригодиться. Товарищ Трющев, – обратился он ко мне, – старик сумел опознать подмену?

– Никак нет, товарищ Сталин. Он заплакал.

– Как заплакал?! – удивился Сталин. – Слезу пустил?

– Так точно.

– Вот так раз! Значит, можно предположит, что высокопоставленные чиновники в Германии, увидев сына Шееля, тоже пустят слезу. Почему бы нам не воспользоваться удобным случаем? Как вы считаете, товарищ Трющев?

– Это невероятно сложно, товарищ Сталин.

– Это хорошо, что вы понимаете меру ответственности за порученное дело, однако партия учит, что для коммунистов нет и не бывает невыполнимых заданий. Как вы считаете, товарищ Меркулов?

Меркулов моментально согласился с вождем.

– Вот и поработайте над возможностью подмены молодого фашиста нашим проверенным товарищем. Он член партии?

– Он – комсомолец, товарищ Сталин.

– Вот и хорошо. Лаврентий, обрати особое внимание на эту операцию. Какое название лучше всего отразило бы ее сут.

Никто не посмел рта раскрыть. Сталин подошел к своему письменному столу, выбил трубку, разломил две папиросы «Герцеговина Флор», набил трубку, не спеша прикурил, потом, повернувшись к собравшимся, внес предложение:

– Предлагаю назвать эту операцию «Близнец».

После короткой паузы он добавил:

– А насчет старого Шееля товарищ Берия прав – как наш советский суд решит, так и будет. Верно, товарищ Трющев?

– Так точно, товарищ Сталин.

* * *

Два дня у Трющева не было отбою от желающих пожать ему руку. Чины, которые прежде едва козыряли в ответ, теперь зазывали молодого оперативника в свои кабинеты, расспрашивали о жите-бытье, старались наладить отношения – «в случае чего ты, Трющев, не стесняйся, заходи, поможем». Единственным человеком, не обратившим никакого внимания на милость вождя, был Федотов и в какой-то мере Берия. Он, правда, упрекнул новоиспеченного лейтенанта:

– Зачем ты послушался Меркулова и поперся в кабинет?

Николай Михайлович, мимоходом отметив, что и этот начал называть его Трющев, начал оправдываться:

– Товарищ Меркулов споткнулся и толкнул меня. Я против воли шагнул, потом уже было поздно. Власик глядел на меня во все глаза.

– Он на всех так смотрит, кто в первый раз. Буквально как рентген. Хорошо, что у тебя по Алексу Шеелю?

– Находится под колпаком.

– Колпак надежный?

– Так точно, – вступил в разговор Федотов. – Лучшие оперативники местного управления не спускают с него глаз.

– Почему бы, Павел Василевич, не взять этого гаденыша?

– Это будет грубейшая ошибка, особенно в свете указаний товарища Сталина.

Берия промолчал. Он встал, подошел к окну, долго глядел в темный мрачный переулок. Наконец, что-то взвесив, сказал.

– Докажите.

Федотов, видно, уже все решивший для себя, раскрыл папку, просмотрел несколько листочков – момент был архиважный, наконец доложил:

– Товарищ нарком, мы бродим в потемках, следовательно нужна предельная осторожность, а в свете указаний товарища Сталина осторожность должна быть возведена в квадрат...

– Это я понимаю, – раздраженно прервал его Берия. – Говори по существу.

Федотов будто не слышал начальственного окрика – продолжил в том же темпе и с той же обстоятельностью:

– Насколько мне известно, посол Германии граф Шуленбург обратился к нам с просьбой облегчить участь старшего Шееля. О младшем даже не заикнулся. Это может означать, что германскому послу известно, что младший находится вне пределов нашей досягаемости. Из этой необычной просьбы можно также сделать вывод, что у Алексея Шееля, по-видимому, есть связь с германской разведкой, и они попытаются вызволить его собственными силами. По крайней мере, эта версия исключена быть не может...

Берия перебил его:

– Каким образом?

– Скоро в Одессу должен прийти германский пароход. Возможно, младший Шеель попытается проникнуть на его борт.

– Согласен. Во-вторых?..

– Участие в судьбе Шееля такого видного господина, как посол Германии, подтверждает, что Барон являлся в Германии достаточно авторитетным субъектом, следовательно, идея товарища Сталина имеет под собой надежную почву, поэтому мы тем более не имеем права рисковать.

Он несколько раз кашлянул, поправил голос, потом с прежним интригующим занудством продолжил:

– Наша задача полностью исключить угрозу утечки сведений о том, что молодой Шеель находится под колпаком. Если противной стороне станет известно об его аресте, судьба нашего агента будет решена. Чтобы этого не случилось, необходимо провести ряд взаимосвязанных между собой мероприятий.

– Конкретней, – приказал нарком.

– Необходимо собрать как можно больше информации о нем и о его прошлом, чтобы здесь, на Лубянке, младший Шеель не затеял бы с нами нечистую игру. По свидетельству Трущева, этот малый исключительно умен, находчив, обладает математическими способностями, следовательно, опасен.

– Неужели наш советский комсомолец уступит ему по части сообразительности? – удивился Берия.

– Мы обязаны предусмотреть все варианты.

– Что же ты предлагаешь?

– Для оперативного наблюдения приставить к Шеелю надежного товарища, обязательно курсанта Одесской школы. Такие там есть.

Берия перебил начальника КРО:

– Приглядывают за Шеелем, конечно, надо. Только, Павел Васильевич, учти – информатор ни в коем случае не должен знать о сути задания. Ему следует поручить наблюдение за несколькими кандидатурами. Продумайте, как объяснить наш интерес. – Берия помедлил, затем продолжил: – Но этого мало. Необходимо внедрить в училище нашего сотрудника, знакомого с общей идеей операции.

– Так точно, товарищ нарком. У нас уже есть прикидки. Нашего сотрудника можно будет командировать в Одессу по линии особого отдела. В свете ваших указаний мы легендируем его как вербовщика, подбирающего кандидатов на курсы подготовки будущих командиров разведывательно-диверсионных взводов. Надеюсь, Шеель клюнет на эту приманку. В состав группы войдет восемь-десять курсантов, в том числе и наш информатор. В этом случае перевод Шееля подальше от границы и поближе к нам будет вполне оправдан. Например, в недавно организованное Подольское пехотно-пулеметное училище. Это недалеко, сорок километров от Москвы.

– Почему не в Московское?

– Москва слишком большой город, к тому же мы не можем допустить проникновения чужого в одно из лучших училищ страны. Не хватало еще, чтобы он составил словесные портреты на своих однокурсников. Наоборот, в Подольском училище проведен первый набор, и большинство курсантов не знакомы друг с другом.

– Согласен.

– В Подольске после проведения всех подготовительных мероприятий решим вопрос об изоляции Близнеца.

– Конкретней.

– Прежде всего, необходимо подготовить Анатолия Закруткина. С этой целью его необходимо срочно отозвать из института и направить в военное училище, где ему придется в течение двух месяцев пройти программу, которую уже освоил Шеель.

– Ты полагаешь, двух месяцев хватит? – засомневался Берия.

– У нас нет выбора. Я познакомился с Анатолием. Он неглупый парень, подкованный, политически грамотный. Наша главная задача на первом этапе провести замену Близнеца негласно, без всякого разрыва или шероховатости.

– Хорошо. Кого ты наметил послать в Одессу?

– Лейтенанта Трущева.

Берия бросил оценивающий взгляд на лейтенанта.

– Как считаешь, Трющев, справишься?

– Постараюсь, товарищ нарком!

Берия, не скрывая раздражения, осадил его:

– Что за «постараюсь», лейтенант! Старатся с женой будешь!

– Так точно, товарищ нарком.

Берия сочувственно оглядел Николая Михайловича, и, не скрывая ухмылки, добавил:

– Товарищ Сталин оказал тебе доверие, вот и постарайся оправдать его.

Затем он неожиданно перешел с молодым оперативником на более-менее доверительный тон:

– Имей в виду, Трющев, ты взял на себя огромную ответственность. Аккуратно выжми из этого молодого барона все, что можно. Надеюсь, мне не надо тебе объяснять, что ты и дальше будешь курировать эту операцию. У тебя будут большие права, но ты не спеши ими воспользоваться – это мой совет. Тише едешь – дальше будешь. Это твой начальник мне когда-то посоветовал.

Трущев от растерянности не нашел ничего лучше, как спросить:

– Какой начальник?

– Как какой начальник! Твой начальник, Федотов Павел Васильевич. Мы с ним еще на Северном Кавказе вместе работали. Слушайся его во всем, но не забивай – игрока красит инициатива, а мы начинаем большую, я бы сказал, рискованную, но очень перспективную игру, и без инициативы в ней нечего делать. Понял?

– Так точно.

– Что еще, Павел Васильевич? Когда будем брать Близнеца?

– Необходимо любой ценой вытянуть из Барона и его сына все, что они имеют по Германии.

– Тянуть тоже нельзя.

– Я понимаю, товарищ нарком.

– Это хорошо, Павел Васильевич, что ты понимаешь. Твоя задача, чтобы это поняли все, кто в той или иной мере будет посвящен в операцию.

– Все задействованные в этом деле предупреждены о персональной ответственности.

– Хорошо. Срок заброски Закруткина определяю – зима сорок первого года, чтобы к началу войны, к лету сорок второго, он уже надежно легализовался в Германии. Мне понравилась идея насчет германского судна. Это неплохой задел на будущее.

– Так точно, товарищ нарком.

– Запомните, без моего разрешения к Близнецу никого не подпускать. Впрочем, это относится и к молодому Закруткину. Кстати, как мы будем его называть?

Все замерли. Берия подбодрил присутствующих.

– Давайте предложения.

Федотов кашлянул и выговорил:

– Может, Первый?

Берия надолго задумался, потом грубовато, по-свойски спросил:

– Намекаешь, что может понадобиться Второй?

Федотов промолчал.

– Первый так Первый, – согласился нарком. – Лучше, конечно, Боец или Воин, но один в поле не воин, так что пуст будет Первый.

Глава 6

В Одессу я прибыл в полдень. На местном вокзале царило столпотворение. Еще на перроне меня подхватила толпа пассажиров, желавших поскорее попасть в город. Пришлось подчиниться натиску, и через вокзальное помещение, через входные двери меня вынесло в самую узость под арками, где я угодил во встречный поток взбудораженных, крикливых, «гакающих» женщин, спешивших на подаваемый к перрону местный поезд. Этим потоком меня отбросило в сторону, прижало спиной к какой-то округлой преграде. Ближайшая ко мне торговка проехала по моему лицу переброшенным за спину, грязным, нестерпимо пропахшим рыбой, мешком. Спасаясь от мешка, я попытался развернуться к торговке спиной.

Повернулся – и тут же наткнулся взглядом на здоровенный кукиш, принадлежавший на удивление маленькому, но твердо стоявшему на земле комсомольцу с несуразно громадной, вытянутой в сторону кружавчатых облаков рукой. Меня безжалостно поволокло вдоль длинной руки, на ходу я успел познакомиться с комментарием к кукишу. Надпись гласила: «Есть ли бог?» Речь шла о назначенном на среду диспуте, устроенном одесскими безбожниками, и кукиш являлся недвусмысленным ответом молодежи страны Советов на этот извечный вопрос. В следующий момент меня притиснули к изображению какого-то косоглазого, напоминавшего японца, медиума в буржуазном цилиндре и во фраке. Это уже потом я сообразил, что судьба неспроста подтолкнула меня к афишной тумбе, а тогда, сражаясь со злополучным мешком, я не пожалел сил, чтобы затормозить и выяснить, зачем этот подозрительный японец-прорицатель приехал в Одессу, где негде спрятаться от мешков с рыбой!

На красочной афише было броско начертано: «Едет Мессинг!!!» – ниже, мелким шрифтом: «Встречайте в городской филармонии!»

Одесса, приготовив подобный сюрприз, одним махом заставила меня забыть о долге, о необходимости следить за иностранным шпионом. Во мне проснулся мальчишка, когда-то страстно увлекавшийся тайнами фотографических портретов. В сравнении с психологическими опытами Мессинга охота за Шеелем показалась мне скучным и даже отвратительным мероприятием. Протрезвев, в отместку за навеянное капитулянтство я решил потребовать у Вольфа Григорьевича контрамарку.

А то и две.

Как только натиск торговок ослаб и мне наконец удалось выбраться из-за тумбы, я направился к трамвайной остановке. На ходу принялся стряхивать грязь с плаща, и в этот момент до меня донеслись звуки музыки. Я поднял голову – со стороны Привоза к вокзалу приближалась армейская колонна. Скоро стали различимы слова:

*Школа красных командиров
Комсостав стране своей кует!
Смело в бой вести готовы
За трудящийся народ!..*

Прежде чем остолбенеть, я еще успел подумать – вот как тебя, Николай, встречают в солнечной Одессе! В следующее мгновение до меня дошло, что направляющим во втором ряду вышагивает разыскиваемый по всей стране шпион и террорист Василий Неглибко, он же Алексей Шеель, во все горло распевавший:

*Эй, комроты, даешь пулеметы!
Даешь батареи,
Чтоб было веселей!..*

В те годы я уже считал себя тертым калачом и, как бы это ни выглядело нелепо, готов поклясться – Шеель пел от души. Особенно ему, умело схоронившемуся в военном училище имени Клим Ворошилова, удавался лихой посвист в конце припева. По пути в управление, осмысливая чудеса и загадки, которыми с первых минут пребывания щедро одарила меня прекрасная Одесса, я пришел к выводу, что с этим певуном необходимо держать ухо востро. Этот Шеель-Неглибко был тот еще фрукт. Он не то что причастность к шпионажу – шило способен в мешке утаить.

Прибавьте к этим двусмысленностям ворох других фактиков. В агентурной записке, представленной информатором, внедренным в училище, сообщалось, что курсант Неглибко перед самым отбоем убеждал товарищей по казарме «в важности скорейшего овладения безвоздушным пространством, без чего пролетариату не добиться победы во всемирном масштабе» (источник Минарет). В другом документе внимание куратора обращалось на курсанта Н., который в споре – как долго продлится надвигающаяся война и успеют ли они, курсанты, попасть на фронт? – заявил: «Успеем, ребята. Навоюемся досыта и, возможно, на своей территории». Курсант Неглибко поправил скептика: «Война будет скоротечная и победоносная. Главное – успеть отличиться и получить орден» (источник тот же).

Была ли это умелая маскировка или Шеель искренне верил в непобедимость Красной Армии, со стороны судить было трудно. В любом случае нам будет о чем поговорить на Лубянке.

Что касается Мессинга, он охотно поделился со мной контрамарками. Одну из них я предложил Шеелю-Неглибко, который, играя на своем рабоче-крестьянском происхождении – нас, мол, в детстве кофием не поили! – упорно и не без скрытого ехидства отстаивал тезис о том, что все проделки знаменитого экстрасенса – не более чем «ловкость рук» и «обман публики», так как ни Маркс, ни Ленин, ни тем более Сталин нигде, ни в одной из своих работ, не упоминали о возможности опознавать мысли на расстоянии. Особый скепсис вызвала у него способность предсказывать будущее, чего с материалистической точки зрения быть не могло. Я, оказавшись в тот момент в курилке, поинтересовался – почему? Марксизм четко разграничивает непознанное от непознаваемого, и если мы твердо стоим на научных позициях, надо внимательней относиться к тайнам человеческой психики. Я предложил Шеелю лично убедиться в удивительных возможностях приехавшего экстрасенса.

Признаюсь, бросив наживку, я тешил себя надеждой – глядишь, в разговоре по душам, намеченном после посещения концерта, Шеель сболтнет что-нибудь лишнее – например, насчет Дюссельдорфа, где его еще мальчишкой поили кофием и где ему, дворянскому отпрыску, посчастливилось побывать на выступлении Мессинга. Если не проговорится, хотя бы намекнет. Ведь должны же быть слабые места у этого еще очень юного нелегала, иначе как к нему подступиться?

Как вывернуть ему нутро?..

Ясно, что это нельзя сделать с помощью выдиранья зубов или беспробудного бдения, когда подследственному несколько суток не давали спать. Такие методы у нас практиковались, но чаще всего следствию вовсе не надо было прибегать к подобным неординарным методам – охотников помочь органам всегда находилось предостаточно. В их число я включаю и самих подследственных, которые «в интересах партии», захлебываясь, клеветали на самих себя. Полезность физического воздействия вообще сомнительна и выявляется только в тех случаях, когда следствию приходится иметь дело со слабыми в психическом отношении субъектами. Шеель был не из таких, это был факт, и с ним надо было считаться. Руководящим тезисом для меня изначально было предположение, что всякое насилие в общении с Шеелем исключалось напрочь. Чтобы склонить его к сотрудничеству, я мог рассчитывать исключительно на доверие, на общность взглядов или, на худой конец, на согласие трудиться сообща.

Как ни живуч в человеке страх, я был уверен – этот парень за столько лет сумел притерпеться к нему, тем более приноровиться к нависшему над ним приговору. Будь он трусом, он давно сошел бы с ума или прибежал к нам с повинной, как однажды поступил Минарет, он же курсант Авилов. Это случилось после окончания средней школы, когда распоясавшиеся подростки, выпив в первый раз в жизни вина, позволили себе в форме анекдотов глумиться над советской властью. Их было трое. Авилов первым примчался в райотдел. Двоих отправили на поселение, а скороходу, успевшему получить в военкомате направление в военное училище, предложили «во искупление вины» бдительно следить за настроениями будущих красных командиров.

Авилов работал грубо, неумно. В деле, заведенном в Одесском управлении НКВД, хранились, например, написанные Неглибко стихи, посвященные прекрасной даме. У дамы было странное имя – Магдалена. Вряд ли кто-нибудь, кроме меня, мог догадаться, кем была эта Магдалена, однако этот факт неожиданно вызвал у куратора пристальный профессиональный интерес. Нет ли в этом вызывающе-буржуазном имени какой-либо контрреволюционной подоплеки? Иначе зачем такой выпендрей?

Позже на следствии Шеель признался – когда обнаружилось, что из его тумбочки исчезает сахар, он для страховки решил вычислить воришку и заодно проверить его на причастность к органам. Проследить, кто именно копается в чужих вещах, не составило труда. Он написал стихи и спрятал эту политическую наживку в тумбочке. Отсюда вывод – курсант Неглибко был не глуп и не прочь поиздеваться над органами, так что с этим фруктом еще работать и работать. Кроме того, эта история выявила определенные недоработки в руководстве осведомителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.